

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Г. Щербинина

**ГЕРОИЧЕСКИЕ
МИФОНСТРУКТЫ
ТОТАЛИТАРНОЙ РОССИИ**

Томск

Издательский Дом Томского государственного университета

2017

УДК 316.6

ББК 66.0

Щ61

Щербинина Н.Г.

Щ61 Героические мифоконструкты тоталитарной России. –
Томск : Издательский Дом Томского государственного
университета, 2017. – 124 с.

ISBN 978-5-94621-602-9

Монография посвящена проблемам конструирования тоталитарного мифа на примере России. Сегодня одним из важных направлений мировой и отечественной политологии является сравнительный авторитаризм, а в канун столетия Октябрьской революции историки и обществоведы предпринимают попытки объяснить российский тоталитарный феномен XX в. Автор предлагает рассмотреть это под углом конструирования героической мифополитической реальности.

Для политологов, философов, культурологов, историков.

УДК 316.6

ББК 66.0

ISBN 978-5-94621-602-9

© Щербинина Н.Г., 2017

© Томский государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Время героев	4
Герой воспетый	8
Путь возрождения	36
Герой и президент	58
Две победы	74
Страна героев	101
Вместо заключения	117

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Очевидно, что так называемое советское общество распадается на две ментальности-эпохи: тоталитарную и посттоталитарную. Однако подобие ментальных структур доминирует и образует социальное единство, характеризующееся своеобразием политической формы. Что касается различий, то концепция российской политической культуры как культуры архаической представляет дробление на эпохи-ментальности достаточно условным в принципе¹. И тем не менее именно внезапно актуализировавшаяся архаичность тоталитаризма обусловила взлет политического фактора, размежевавшего столь прочное единобразие. Таким базовым фактором-разделителем выступил политический миф.

Согласно этому критерию, тоталитарная эпоха есть время героев, эпоха мифическая и изначальная для советского общества в целом. Последующая эпоха – обычная, т.е. историческая, эпигонствующая и питающаяся, в частности, и от собственных корней. Во времена тоталитарных героев творился и политический миф советского общества, в посттоталитарное время предпринимались лишь неловкие попытки подновления и замены. Таким способом создавались псевдомифы в самом неприкрытом виде. Идеологизация политического мифа превращала экспансирующую рационализированную структуру в псевдоидеологию, когда программировалось «бумажное воздействие». Так же, как в политико-культурной среде посттоталитаризма имитировалась псевдоигра², аналогично имитировался и политический псевдомиф. Засилье фальсификатов сузило область действительного влияния формально все еще мощ-

¹ Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск, 1996. Гл. 2, 3, 4, 6.

² Щербинин А., Щербинина Н. Консерватизм: удила или путы? // Вестник высшей школы. 1992. № 7–9. С. 79.

ной идеологической машины. До тех пор, пока миф естественным образом служил опорой политической сферы общественной жизни и одновременно являлся квинтэссенцией политического бытия, второстепенный по сути идеологический компонент политического мира внешне и оформлял, и, казалось, контролировал его. Когда же идеологии пришлось принять на себя всю тяжесть политического бремени, обнаружилось, что сама по себе она значит много меньше ожидаемого. И это значение ослабевало несмотря на рост технической оснащенности по мере отдаления от времени мифического. Но иллюзии остались, и теперь еще «главный» вопрос ставится так: «Какая идея нужна России?» А может следует его переосмыслить и сформулировать иначе: «Какой политический миф нужен России?»

Подчеркивая значимость политической мифологии тоталитаризма, никто не взялся бы отрицать само наличие политических мифов во время посттоталитарное. Речь идет о том, что искусственные произведения, мифы собственно в понимании Ж. Сореля, стали восприниматься как самодостаточные и самоработающие идеологические конструкты, направленные на достижение специфически властных интересов. Новообразования имели форму мифа, но сущностно таковыми не являлись. Даже авторы трилогии («Малая земля», «Возрождение» и «Целина»), подписанной именем самого Л.И. Брежнева, не предприняли серьезной попытки сделать его новым мифогероем. Декларируемое детально величие официального лидера просто-напросто игнорировало аспект восприятия и тем самым допускало индивидуально-рациональную правку имиджа руководителя. В результате такого «мифического безразличия» гротескность псевдомифического персонажа обнаружилась как искусственность. Факты отредактированной биографии псевдогероя неформально интерпретировались с точки зрения политической практики. Преувеличение стало преувеличением. Тогда как в естественном мифе – чем невероятнее, тем достовернее. Наконец, миф стал подвергаться критике. Все эти «симптомы» по отдельности и тем более в совокупности означают смерть любого мифотворения.

Изменения в восприятии образа советского политического лидера начались еще до периода застоя и формально выразились в переименовании: титул парадного «вождя» сменился на партикулярного «руководителя партии и правительства». Данная перемена случилась при Н.С. Хрущеве, но едва ли корректно на ее основе всерьез вести речь о «демократической оттепели», когда на смену тоталитарному вождю пришел подлинно демократический лидер. Здесь не место и не время подробно говорить о своеобразии феномена политического лидерства в России, но уместно напомнить признание специалистами как наиболее ярких наших лидеров именно харизматических тоталитарных вождей Ленина и Сталина.

Однако, на наш взгляд, термин «харизматический лидер» (спорный вообще) именно в данной связи мало что объясняет. Сам М. Вебер писал не только о лидерах в понимании традиционных теорий лидерства, но и о господстве как таковом. Описывая харизматическое господство, он особо подчеркивал экзистенциальность харизмы политического лидера: кратковременность взлета пророка на волне эмоций его последователей. Почему же, тогда как политики Ленин и Сталин волнуют и сегодня, их официальные эпигоны не снискали даже прижизненной популярности? Если провести сравнение под углом зрения политического мифа, то обнаружится: руководитель партии и государства занял «должность вождя», но не стал даже официальным наследником его харизмы. И это при всем при том, что советская политическая модель не давала ему и шанса стать демократическим лидером. Посттоталитарный лидер оказался явлением двойственным в своей традиционности: он старался выглядеть еще одним «верным ленинцем», но обнаруживал черты номенклатурно-легитимного неприродного государя. Вот этот идеологически не идентифицируемый пробел в имидже и ослаблял позиции первого лица в политике России как ее лидера. Но нас интересует не слабеющий «начальник государства», а всемогущий тоталитарный вождь в ипостаси мифического героя.

Проблема героя тоталитарного мифа России не нашла еще специального научного освещения. Известные сопредельные работы

сравнительно немногочисленны и разнонаправленны³. Пожалуй, никто из исследователей, касающихся тоталитарной эпохи России, не отрицает самого факта мифологизации общественного сознания, в центре которой находился образ вождя. Но концептуальные акценты расставляются, как правило, таким образом, что поскольку доминирует культ, а не миф, следовательно, неизбежно преобладает идеологический конструкт как результат пропаганды, навязанной обществу сверху. То есть политический миф о тоталитарных вождях предстает исключительно искусственным творением и инструментом манипулятивной технологии.

Нам же представляется необходимым взглянуть на тоталитарный миф под другим углом зрения: рассмотреть его как определяющий компонент ментальности эпохи и естественный механизм структурирования и сознания жизни. А смысловым ядром данного органического механизма, по нашему мнению, и выступал миф о вожде. Поэтому, поставив проблему изучения героического мифа тоталитарной России в качестве научной цели, для реализации ее двинемся вглубь мифополитических структур.

³ См.: *Почепцов Г.* Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев, 1994; *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997; *Эннкер Б.* Советский культ вождей: между мифом, харизмой, общественным мнением. «Вождь и народ». Понятие и следствия одного образца политической культуры в условиях диктатуры // Вестник МГУ. Сер. 12. 1994. № 5; *Алпеева Т.М.* Социальный миф: сущность, структура. Минск, 1992; *Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983; *Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа. М., 1993; *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. 1990. № 2; *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991; *Гозман Л., Эткин А.* Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М., 1989; *Орешин Б., Рубцов А.* Сталинизм: идеология и сознание // Там же; *Иванов А.В.* Мифы и метаморфозы тоталитарного рассудка // Вестник МГУ. Сер. 7. 1991. № 3; *Поляков Л.* Арийский миф. Исследование истоков расизма. СПб., 1996; *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996 и др.

ГЕРОЙ ВОСПЕТЫЙ

С наступлением эры просвещенного разума традиционный мир символов рухнул. Именно о подобном перевороте Заратустра поведал как о смерти богов. Произошла трансформация привычных взглядов: «Паутина сновидений мифа распалась, разум раскрылся навстречу полному, бодрствующему сознанию, а современный человек восстал из древнего невежества, словно бабочка из своего кокона, словно солнце рассвета из утробы матери-ночи». Так в XX в. перемены в представлениях описал Джозеф Кэмпбелл, противопоставляя мифологическое и демифологизированное сознание. И даже по видимости сходные тоталитарные культовые ритуалы, на его взгляд, всего лишь пародии, носящие отрицательную социальную нагрузку⁴. Действительно, согласимся с мифологом, возвеличивание тотемов – это не путь к богу, распявшему самого себя. Но с гибелью бога, отрицающего эгоизм, не утрачен миф. Свидетельство тому недавнее прошлое, где мы встречаемся с героем-спасителем, становящимся тираном новому миру.

Архаический миропорядок по-своему целесообразен, и именно миф отыскал способ избежания исключительной жертвенности со стороны общества. Напротив, тоталитаризм во всех проявлениях иррационален: «Противоразумность тоталитарного капитализма, чья техника, призванная удовлетворять потребности, в ее опредмеченном, определяемом отношениями господства обличье делает невозможным удовлетворение потребностей и понуждает к искоренению человека – эта противоразумность имела свой прототипический образ в герое, который избегает жертвы тем, что жертвует собой». Авторы данного высказывания М. Хоркхаймер и Т. Адорно считают, что отмечаемый род мифологической жерт-

⁴ Кэмпбелл Д. Герой с тысячьо лицами. Киев, 1997. С. 289–290.

венности говорит о включении самого мифа в цивилизацию⁵. Итак, когда бог приносит себя в жертву богу – это одно из свидетельств культурного прогресса. Что же сказать о богоподобном герое нашего века, жертвующем исключительно другими? Ведь даже древнескандинавский Один повесился на дереве в качестве жертвы самому себе...

Обращаясь к тоталитарному политическому мифу России, чья общая архаическая подоплека нам представляется очевидной, можно дифференцировать его особенности. В первую очередь это песнопения о герое: откровенно суровом и самовлюбленном. Но эгоистический спаситель Советской России – «настоящий» герой в его подобии главному персонажу древнейших сказаний. И в этом сущностном смысле мы имеем дело не с антикультом, не с подделкой под старину. Нет, многочисленные воспевания Сталина представляют собой подлинные тексты-мифы. Они обслуживали культ бога-героя, требовавшего и с удовлетворением принимавшего жертвы от других. В тоталитарном ритуале жертвенность экстравертивна, она – самообман:

И все ему, и все ему!
Ума и сердца жар
его великому уму
народ приносит в дар⁶.

Песни о вожде буквально заполнены и перегружены восхвалениями. Как правило, похвалы используются в качестве рефрена. Так, песня поется о: «самом большом человеке»; «самом родном и любимом»; «самом большом полководце»; «самом бесстрашном и сильном»; «самом большом садоводе»; «самом любимом и мудром»; и снова о «самом родном человеке»; «О солнце, о правде народов, – / о Сталине песню споем»⁷. Что тут можно добавить, разве еще подпеть о самом «великом зодчем»?

⁵ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997. С. 74–75.

⁶ Васильев С. Подарки И.В. Сталину // Песня о Сталине. Избранные стихи советских поэтов. М.; Л., 1950. С. 118.

⁷ Исаковский М. Песня о Сталине // Там же. С. 5–7.

Номинативное возвеличивание вождя имеет не только прямой, но и скрытый сакральный смысл: повторение его имени, снабженного трафаретными и обязательными эпитетами, дает ощущение социальной уверенности. Эта духовная операция по своему значению аналогична заклинанию:

Да здравствует Сталин –
Вечной радости свет,
Сталин – жизнь и свобода,
Сталин – гордость народа,
Сталин – знамя побед!⁸

И снова и снова твердится:

Ты – возмездье за горькие были Поколений, живших рабами.
Ты – могучие наши крылья. Ты – высокое наше знамя⁹.

Само имя Сталина преобразуется в магический символ: «Как имя миллионов, звучит это имя, / В шесть букв воплотилось единство идей...»¹⁰. Называние, произнесение имени есть практически ритуальный знак, формула успеха, архаический оберег от порчи: «Это имя хранит нас от горя и бед, / В нем достоинство наше и наша судьба»¹¹. Итак, в культовом тексте раскрывается пласт социального знахарства и нового волхования. Вождь как охранительное средство весьма почитается. Но заветное имя не только убережет от напастей, оно придаст силы: «Если от горя нечем дышать, / Произнеси только слово Сталин – / И к подвигам будешь готов опять»¹².

Сталин славится в песнях как вождь, почитаемый с любовью. Песня всегда слагается о «Сталине мудром, родном и любимом»:

Он стоит, как оплот нерушимый,
Он живет в нашем сердце навек,
Самый мудрый и самый любимый,
Самый близкий для нас человек!¹³.

⁸ Кежун Б. Да здравствует Сталин! // Песня о Сталине. С. 98.

⁹ Леонидзе Г. Сталин // Там же. С. 29.

¹⁰ Бажан М. Первый депутат // Там же. С. 59.

¹¹ Луговской В. Побеждай, молодежь! // Там же. С. 58.

¹² Рыленков Н. Солдаты Сталина // Там же. С. 113.

¹³ Фадеева О. Спасибо Сталину! // Там же. С. 105.

Вот почему прославления вождя носят форму здравиц, ведь его благополучие одновременно и священный залог общественного благоденствия:

Живи и славься, Вождь, Отец народов, –
Ты, ставший нам всех ближе и родней,
Генералиссимус прославленных походов,
Великий Сталин – солнце наших дней!¹⁴

Или:

Стало крепче имя твое,
Солнца ярче слава твоя,
Меда слаще слово твое, –
Вечно живи, любимый вождь!¹⁵

Величание героя обозначает и его масштабность, ведь Сталин воспевается не только как вождь обособленного политического коллектива, но и как лидер глобальный: «Великий вождь великого народа – / Надежда, свет и совесть всей земли!»¹⁶.

В песнях вождь хвалится обстоятельно, развернуто по содержанию, но и одновременно архаически образно. В качестве эпитетов применяются тотемные зооморфные символы. Распространенные сравнения с животными – не просто абстрактная дань форме со стороны официальных мифотворцев. Их фантазия содержательно вдохновлялась писательским примером самого вождя, уподоблявшего Ленина орлу, летающему над вершинами Кавказских гор. Прием свидетельствовал о стиле мышления и Сталина, и эпохи. Разберемся: «Первый сокол – Ленин, / Второй сокол – Сталин»¹⁷. И конкретно о Сталине:

Из-за гор из-за высоких
Сизокрылый мчит орел.
Он размахом крыл широких
Все преграды поборол!

¹⁴ *Ошанин Л.* Нас двое вели в этот солнечный мир // Песни о Сталине. М., 1950. С. 103.

¹⁵ *Салих А.* Вечно живи! // Там же. С. 45.

¹⁶ *Исаковский М. И.В.* Сталину // Песня о Сталине. С. 173.

¹⁷ *Два сокола.* Народная песня // Там же. С. 37.

Вслед за ним летим к вершинам,
Солнцу в очи заглянуть.
Летом солнечным, орлиным
Вождь указывает путь¹⁸.

Перед нами своего рода емкая характеристика вождя как политического лидера. Сталин и лидер народа в совокупности, и предводитель народных избранников: «Как орел среди орлят, / Самый первый депутат»¹⁹. Миф раскрывает изначальное представление о наборе лидерских качеств: сила, стойкость, мужество, храбрость, отвага, зоркость, высота полета, мудрость, дар предвидения и т.п. Небезынтересно сравнить этот перечень с опубликованными результатами применения методики исследования оценки лидеров России на бессознательном уровне²⁰. Сразу очевидны принципиальное сходство и некоторое отличие материала, говорящего о восприятии лидера. И во время мифическое и сегодня мы неосознанно представляем нашего лидера «плотоядным», «хищником». По-прежнему ценятся мужество и сила. Но символические образцы иные: вождя не сравнивали ни с волком, ни даже с хозяином-медведем, не говоря уже о непрезентабельном хорьке. В мифе мы встречаем животных исключительно гордых и эстетичных:

Вождь великий, сокол горный,
Рос ты смелым с давних пор,
Был отважным и упорным,
Гордым барсом снежных гор.

И далее уточняется: «Ты, орел наш быстрокрылый, / Ты, парящий выше скал!»²¹. Различие заложено в том, что мифический герой-спаситель «обесчеловечивается» как носитель соответствующих абстрактно присущих добродетелей, а сегодня персонаж-животное фиксирует стереотипную социальную ролевую характеристику, да еще и не всегда лидерскую. В наше время речь идет не

¹⁸ *Рыльский М.* Песня о Сталине // Песни о Сталине. С. 23.

¹⁹ *Михалков С.* Быль // Песня о Сталине. С. 109.

²⁰ *Шестопал Е.Б., Новикова-Грунд М.В.* Восприятие образов двенадцати ведущих политиков России // Полис. 1996. № 5.

²¹ *Песня о вожде.* Грузинская народная песня // Песни о Сталине. С. 86.

более чем о метафорической образности, тогда как в мифе все все-
рьез, там политический и мифический миры нераздельны. Не слу-
чайно статусная оценка наиболее часто дается в виде орла или соко-
ла, а не льва – царя зверей, к примеру. Как ведущие птицы выше,
отважнее, пронзительнее и мудрее всех других символов власти:

Величаем мы сокола,
Что всех выше летает,
Чья могучая сила
Всех врагов побеждает.
Величаем мы сокола,
Друга лучшего нашего,
Величаем мы Сталина –
Всенародного маршала²².

И, наконец, заметим, что краткая зооморфная метафора есть по
сути и «энергетическая формула». Политический миф использует
ее в качестве референциального символического знака: таким спо-
собом вождь подается как энергетический гигант, заражающий
своей энергией все общество. Это некое «энергетическое лидер-
ство». Причем чудесная сторона феномена собственно энергетика,
а не «оборотничество». Но чудо в мифе, в свою очередь, неотъем-
лемая часть обыденного. Следовательно, чудесное в политическом
мифе весьма распространено. И начинаются необычные события с
чуда рождения героя:

Рождался отрок вод весенних звонче,
Он сердцу дал сверканий новых выбор,
Его руками будет купол кончен
На зданьи совершеннейшего мира.
То было время... с Лениным тогда
Сталин рождался...
В двух колыбелях двух народов разных...
То сам наш мир опять на свет рождался²³.

²² *Исаковский М.* Величальная И.В. Сталину // *Песни о Сталине*. С. 190.

²³ *Леонидзе Г.* Сталин. Детство и отрочество. Эпопея. Тбилиси, 1942. С. 45.

Неординарное появление на свет означает возрождение мира. Неудивительно, что оно сопровождается знаменами, указывающими на сакральное предназначение новорожденного героя. И в данном смысле харизма в политическом мифе архаически материально передается от Ленина к Сталину. Сначала на Волге рождается мальчик с «приметой дивной», и прежде чем дитя закричало:

Дрогнуло первое небо,
Настежь оно распахнулось,
Огонь звездopodobный
Упал со второго неба,
Упал в колыбель малютки,
Внедрился в детское тело²⁴.

Затем в надлежащее время в горах Кавказа:

Справедливостью сил высоких
Был назначен малютка-отрок
Быть вершителем вечной Правды...²⁵

Как повелось, каждый порядочный герой мифа должен иметь приличную родословную, свидетельствующую о его кровной причастности к сакральному миру. Не отставая от них, наш тоталитарный герой обзаводится политически родственными предшественниками:

И Маркса и Энгельса пламенный гений
Предвидел коммуны грядущий восход.
Дорогу к коммуне наметил нам Ленин,
И Сталин великий по ней нас ведет²⁶.

Из текстов песен очевидно мифическое воплощение божественного принципиального начала на земле в лице нового героя, который готов приступить к выполнению своей миссии. Тоталитарный герой действует в пространстве сказания согласно мифическому клише. Уже упомянутый Д. Кэмпбелл выделяет несколько стандартных жизненных ролей, которые приходится играть архаическому героическому вождю. Каждая роль есть путь реализации предна-

²⁴ Тимофеев-Терешкин М.Н. Сказанья о вождях. Якутск, 1946. С. 14.

²⁵ Там же. С. 26.

²⁶ Лебедев-Кумач В. Мудрая партия большевиков // Песня о Сталине. С. 9.

значенного свыше. Обыкновенно герой мифа – воин, которому предстоит убить дракона. Дракон символизирует значения «враг» и «тиран», так как власть им используется в личных корыстных целях. Сакральная сущность героя в роли воителя выражена в изначальном знании секрета гибели дракона. В неизбежном поединке расстановка сил такова: дракон охраняет прошлое, а герой созидает новую жизнь. В логике мифа суровый воин не минует и роли возлюбленного. Героическая любовь тоже символична – это прекрасная дева, во имя которой уничтожается дракон. Дева как бы «вторая половина» воина: она его воинская Слава. Олицетворяя предназначение, именно Слава акцентирует геройство. Убив дракона-тирана, герой становится императором, т.е. получает власть. Если символ героя – меч, то символика императора – скипетр или книга закона.

В психологической трактовке мифа эта ролевая позиция характеризуется возвращением к отцу, т.е. воссоединением с ним. В конце пути символических испытаний, благословенный отцом, герой сам становится «отцом среди людей». В роли наставника он является отражением Мировой Оси (Мирового Дерева), т.е. зеркалом макрокосма. Поэтому видеть героя-императора означает воспринимать смысл бытия. Не случайно от самой личности императора истекают блага. Отождествившись с отцом, герой приобретает вселенский масштаб. В новой роли особенно могущественна мысль героя, его воинские подвиги лишь слабая тень того, что может его разум. В такой ипостаси герой есть спаситель всего сущего. Он спасает от гибели, так как предшествовавший властитель сковал оковами жизненную энергию мира. Именно героическое начало придает энергетический импульс вселенной и все рождается заново. Однако мифическое колесо миропорядка «обводит» и героя: вчерашний герой сам становится тираном. В исключительном случае, распяв самого себя, герой избегает ловушки. Но, как правило, нигилистический момент в мифе проявляется по-другому: герой несет миру меч. Надрывному героическому типу сюжетно противопоставлен святой аскет. Но герой как святой, представ перед ликом бога, безмолвен. И здесь герой выходит за пределы собственно мифа.

Все ключевые роли исправно играет и наш герой Сталин. Итак, в некотором царстве: «Сосала нашу кровь проклятая / Драконья злая голова...»²⁷. «Но растет наш гнев неизменно. / И портрет вождя в каждой хате, / Словно меч, украшает стены»²⁸. Все перечисленное позволяет без особого труда сделать умозаключение: Сталин прежде всего герой-воин, уничтоживший чудовище. Это герой всепобеждающий:

На сотни верст, на тыщи верст
Упали все твердыни.
И потому мы первый тост
За Сталина подыдем –
Кто вел нас в бой в огне, в дыму,
Кто всюду побеждает.
И пожелаем мы ему,
Чего он сам желает²⁹.

В данной роли Сталин описывается как «самый большой полководец», «самый бесстрашный и сильный», увлекающий военной героикой и свой народ:

Если Родина зовет в поход,
Если Сталин впереди идет, –
Никакая сила в мире
Нас с дороги не свернет³⁰.

Или:

На богатырские дела
Нас воля Сталина вела.
Он вместе с нами шел в строю,
Он вместе с нами был в бою³¹.

Весь героический пыл воина целенаправлен: уничтожение противника-врага. Близкий и родной для «своих» Сталин превращается в «грозного» для противной стороны:

²⁷ *Нерис С.* Поэма о Сталине // Песня о Сталине. С. 45.

²⁸ *Леонидзе Г.* Сталин // Там же. С. 31.

²⁹ *Исаковский М.* Первый тост // Там же. С. 123.

³⁰ *Пришелец А.* Наш вождь // Песни о Сталине. С. 53.

³¹ *Сурков А.* Нас воля Сталина вела // Там же. С. 110.

Как пришел на Волгу Сталин-полководец,
Стали неприступны Волги берега.
Ты не так сурова, Волга, в половодье,
Как товарищ Сталин грозен для врага!³²

Словом:

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.
Позвольте ж мне позжать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам!³³

Для врагов Сталин грозен и ужасен, а для спасаемых он – символ самого теплого и прекрасного, божественное Солнце:

Мы, отвагой горя, проплываем моря, –
Нас враги победить не сумеют.
Над Советской землей свет не сменится мглой,
Солнце-Сталин блистает над нею³⁴.

Или:

Кто ведет твой народ?
К миру, к счастью в поход
Всех ведет мудрый вождь,
Солнце наше – Сталин!³⁵

Своей солнцеподобностью Сталин обязан политическому наследству: «Ленин родился – и стало светло, / Ленин родился – и солнце взошло»³⁶. С приходом Сталина, по крайней мере, солнце восходит вторично:

Какое солнце над землю встало!
Еще не знал такого человек³⁷.

Приход солнца, ясно всем, несет миру свет, поэтому Сталин одновременно и символ всего самого светлого: «Да здравствует Сталин – / Вечной радости свет...». Солнечный свет означает при-

³² Колычев О. Песня о Сталине // Песни о Сталине. С. 171.

³³ Исаковский М. Слово к товарищу Сталину // Там же. С. 199.

³⁴ Альмов С. Песня о Сталине // Там же. С. 84.

³⁵ Золотой закон. Казахская народная песня // Там же. С. 80.

³⁶ Джамбул. Песня о выполненной клятве // Песня о Сталине. С. 39.

³⁷ Острейка А. День Победы // Там же. С. 102.

ход нового мира, который лучше и чище прежнего. Поэтому свет «новый», а слова певцов исключительно «лучистые»:

Делами трудовой семьи
Ты занят и зимой и летом, Сталин.
Решенья мудрые твои
Нас озаряют новым светом, Сталин³⁸.

Новый свет символически равен рождению нового мира, обновляющегося потому, что пришел свежий лидер-борец. Наш воин выступает на стороне Света против Тьмы, и сражение лагерей идет во всемирном масштабе: «Это солнце, что прогонит / Ночи тьму со всей земли!»³⁹. И Солнце-Сталин блестяще справляется с лучезарной миссией:

Вы чистоту и ясность нашей цели
От происков врагов оберегли.
Их побеждал Ваш светоносный гений,
Как солнце побеждает силы тьмы⁴⁰.

В конце концов, это средоточие света выступает и предводителем Добра:

Мы с ним стоим у звонких наковален,
Друзей находим, побеждаем тьму.
Мир счастлив тем, что есть на свете Сталин,
Что время подчиняется ему⁴¹.

Образ пресветлого Солнца настолько значим в мифе, что происходят «просветления» и самих певцов. В знаменитом «Колечке» 1950 г. значитесь:

У заставы за мостами
Всходит солнышко во мгле.
Вместе с солнышком и Сталин
Просыпается в Кремле⁴².

³⁸ *Стальский С.* Отец // Песня о Сталине. С. 43.

³⁹ *Тихонов Н.* В рабочем квартале Лахора // Там же. С. 168.

⁴⁰ *Сурков А.* Вождю народов // Там же. С. 176.

⁴¹ *Гамзатов Р.* Его имя // Там же. С. 22.

⁴² *Незлобин Н.* Колечко // Песни о Сталине. С. 159.

Мило, конечно, но недостаточно убедительно. И вот в 1952 г. вносится уточнение:

За мостами от заставы
Всходит солнышко во мгле,
Вместе с солнцем встанет рано
Сталин – солнышко в Кремле⁴³.

Здесь уже все акценты расставлены: перед нами вечно живое солнце. Данное слово из песен не выкинешь. Таким образом, наш герой-воин выступает в облике светлого рыцаря и нового Амона. Что же здесь важнее: подвиг воина или чудесная божественная сила?

Как энергетический бог Сталин характеризуется не только повышенной «солярностью», но способностями громовержца. Для врагов гроза губительна, зато для самого лидера она – естественная среда:

Он родился в горах,
где в ущельях гудят непогоды,
Как бесстрашный орленок
в грозе вырастал и мужал...⁴⁴

Грозовыми были и последующие самые значительные периоды жизни героя, например:

Бушевала гроза,
год за годом в борьбе пролетали...
И в недремлющем Смольном
бесменно был с Лениным Сталин,
Шел на бой за свободу народ трудовой⁴⁵.

В результате мощной закалки наш солнцеподобный «Железо-Стальной Богатырь», вооруженный «веселым золотым мечом защитника свободы», сражается «грозно и справедливо» и становится «Вождем – Победителем Мрака»:

Стоит, как утес, государство Советов,
Рожденное силой и правдой твоей.
Противников чести, труда и свободы
Ты грозно сметаешь с пути своего.

⁴³ Незлобин Н. Колечко // Песни Советской страны. Воронеж, 1952. С. 36.

⁴⁴ Белинский Я. Слово о великом вожде // Песни о Сталине. С. 106.

⁴⁵ Там же. С. 106–107.

Ты – гордость народа, ты – мудрость народа,
Ты – сердце народа, ты – совесть его!⁴⁶

Мифологема противоборства очень важна в принципе. Конкретно же перед нами предстает не только битва гигантов, но и сражение народов. И здесь очевиден мотив официального хилиазма:

И песню о нем поднимаю, как знамя,
Единого фронта шагают ряды.
Горит-разгорается грозное пламя,
Народы встают для последней борьбы⁴⁷.

И в решающем поединке со Злом, конечно, одержал верх герой, однако важнее самого подвига – предназначение победителя:

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе!⁴⁸

Таким образом, совокупный текст дает возможность реконструировать портрет героя-воина, включающий все атрибуты мифа: низложение тирана, «водительство» над лагерем Добра, расцвет новой жизни, но главное – волшебный секрет гибели злодея. Роль воина неразрывно связана с другой героической жизненной позицией – возлюбленного. Прекрасная дева нашего героя несомненно Слава, она его неотъемлемая часть:

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет⁴⁹.

Или:

Сталин – слава Отчизны,
Победителей знамя,
На войне и на стройке
Он везде, всюду с нами⁵⁰.

⁴⁶ *Лебедев-Кумач В.* Мудрая партия большевиков // Песня о Сталине. С. 8–9.

⁴⁷ *Инюшкин М.* От края до края // Песни о Сталине. С. 20.

⁴⁸ *Исаковский М.* Песня о Сталине // Песня о Сталине. С. 199.

⁴⁹ *Сурков А.* На просторах родины чудесной // Песни о Сталине. С. 16.

⁵⁰ *Шведов Я.* Колхозная застольная // Там же. С. 126.

В мифологическую эпоху героизировались все сферы жизни, именно тогда пели славу героям разного ранга, но Сталин – герой особенный:

А наш народ героями богат,
И мы в делах геройских не устали,
И нас ведет не знающий преград
Герой труда, герой героев – Сталин!⁵¹

Снова да ладом: «Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий», «Мы на подвиг любой все пойдем за тобой, / Наше знамя победы, наш Сталин!»⁵². При этом подвиг вождя понимается весьма конкретно: «...и ползет к амбразуре Матросов – / умереть и воскреснуть в легенде. / Он упал, а товарищи встали. / Впереди наступающих – Сталин!»⁵³. Но все это для демонстрации обычной храбрости, а вообще-то тоталитарный герой главным образом «полководец мира и войны» и прозорливый победитель во имя Славы:

Твой всюду слышен мудрый зов,
Он в бой ведет большевиков,
Взрывая старый мир оков,
Непобедимый Сталин!⁵⁴.

И резюме:

Ты вражью жадность иссушил,
Ты нас победам научил,
Ты в руки слабых ключ вручил
От новой жизни, Сталин!⁵⁵

Противостояние Добра и Зла в политическом мифе приобретает традиционное для России противопоставление Правды и Кривды. В народной «Голубиной книге», как известно, Правда ушла на небеса к Царю Небесному, а Кривда безнаказанно расположилась на земле. Но миф о новом герое не может примириться с подобным пессимизмом, в нем Правда вооружена и побеждает:

⁵¹ Тихонов Н. Великое имя // Песня о Сталине. С. 14.

⁵² Альмов С. Песня о Сталине // Песни о Сталине. С. 25.

⁵³ Кирсанов С. Гвардия // Песня о Сталине. С. 75.

⁵⁴ Стальский С. Светочу мира // Песни о Сталине. С. 39.

⁵⁵ Стальский С. Товарищу Сталину // Там же. С. 43.

Где правда в руки меч берет
И песня кривды спета,
Где за свободу встал народ, –
В любой частице света...⁵⁶

Правда-победительница отождествляется с героем, она его атрибут, родственный элемент: «Правда – родная сестра твоя, / Мир озарила заря твоя...»⁵⁷. Перед нами не просто правда, а «правда Сталина». Своего рода новой «Русской Правдой» светило и благодетельствует свой народ: «Великим Законом / Он мир озарил...»⁵⁸. Итак, закон тоже сталинский, т.е. Сталин-тиран равнозначен закону: «Любимый наш, родной отец Сталин! / Ты – Конституции творец, Сталин!»⁵⁹. Сталинский закон есть закон «хорошей» жизни:

Так счастье мы свое нашли.
О нем с восторгом все прочли
В Законе сталинской земли...⁶⁰

Главные отечественные мифические категории «счастье-благополучие» и «правда-справедливость» воплотились в материальной форме книги:

Светлый Сталинский закон – книга счастья!
В ней народов союз скреплен.
Это – золотой закон,
Нас, как солнце, греет он!⁶¹

Вот мы и добрались до символической книги закона:
В могучем Советском Союзе
он книгу нашел золотую,
Которую люди искали,
наверное, тысячу лет⁶².

⁵⁶ Рыльский М. Великое имя // Песни о Сталине. С. 40.

⁵⁷ Салих А. Вечно живи! // Там же. С. 45.

⁵⁸ Купала Я. О Сталине лучшая песня моя! // Песня о Сталине. С. 18.

⁵⁹ Счастье. Узбекская народная песня // Песни о Сталине. С. 101.

⁶⁰ Стальский С. Отец // Песня о Сталине. С. 44.

⁶¹ Золотой закон. Казахская народная песня // Песни о Сталине. С. 80.

⁶² Исаковский М. Песня о Сталине // Песня о Сталине. С. 7.

«Правда-Книга» – что-то вроде нового издания книги книг, но дарованной герою. Это стереотипный символ политического сознания и неудивительно его повторное воспроизведение в мифе. Символическое значение книги закона позволяет констатировать переход героя в статус властителя. Как творец книги книг Сталин становится героем-императором. Нет сомнения, что «Великий Сталинский закон» не просто свод правовых норм, а описание мифологической модели мироустройства. Но поскольку закон оживляется, отождествляясь со Сталиным, в центре мироздания неизбежно помещается субъективный носитель мирового смысла. А именно «вселенной создатель – Сталин». Как принято, картина мира схематически выражена в виде мифического Мирового Древа:

Внедряясь в почву прочными корнями,
Сияя благодатною листвою,
Нас осеняя мощными ветвями,
Ты – древо жизни, Сталин, вождь родной...⁶³

В виде эпицентра мироздания герой выражает сущность бытия, причем понятную и наглядную. Сталин также есть зеркальное отражение смысла жизни, понятого с вселенским размахом. Но счастье любого порядка в архаической культуре понимается весьма материально, на уровне сказочных народных трактовок. В итоге носителем, источником и дарителем материальных благ становится все тот же лидер. Сказочный любимец Иван-дурак получает полцарства, а главное материальное приобретение нашего героя – царство Справедливости:

Любимый вождь, отец родной,
Громя врагов со всей страной,
Ты, Сталин, создал дивный строй,
Хвала, великий садовод!⁶⁴

В этом царстве всего в достатке, но чтобы доступно продемонстрировать, в чьих руках находится рог изобилия, используется образ «мудрого садовника», добросовестно возделывающего свой сад:

⁶³ Назаревич А. Эпос, творимый в наши дни. Махачкала, 1950. С. 43.

⁶⁴ Сулейманов Д. Великий садовод // Песни о Сталине. С. 62.

День и ночь с веселым шумом
Сад невиданный растет,
День и ночь трудам и думам
Отдается садовод.
Все ему проверить надо
Взором пристальным своим,
Чтобы каждый корень сада
Был по-своему любим.
Он помощников расспросит,
Не проник ли вор тайком?
Сорняки, где надо, скосит,
Даст работу всем кругом⁶⁵.

Материальные приобретения, несущие значимость нравственной справедливости, перечисляются конкретно:

Уродила эта нива
Урожай могучий,
Жить на свете бедным людям
Краше стало, лучше.
Лучше стало жить и краше,
Минуло ненастье,
Трактор в поле заработал –
Прибыло нам счастье!⁶⁶.

Или другой пример:

У нас от хлеба ломаются
В амбарах закрома –
До самой до околицы
Сплошь новые дома.
Все девушки – красавицы...⁶⁷

И т.д., и т.п. Примеры можно продолжать и продолжать, но акцент поставлен на том, что жить стало лучше и все тут:

⁶⁵ *Лебедев-Кумач В.* Садовник // Песни о Сталине. С. 60.

⁶⁶ *То не сокол сизокрылый.* Украинская народная песня // Там же. С. 119.

⁶⁷ *Шведов Я.* Счастливый день пришел // Там же. С. 137-138.

Ты, земля родная,
Краше год от году,
Потому что лучше
Стало жить народу⁶⁸.

И в итоге: «Мы по сталинской дороге / К изобилию идем»⁶⁹.
В роли властителя герой заботится о народе как хозяин и отец. Тоталитарный вождь вполне патриархален и мудр по старшинству:

В небе столько звездочек Нету в синеве,
Сколько дум у Сталина
В светлой голове.
Как вокруг дуба молодежи
Не видать конца,
Так и мы вокруг Сталина –
Дети вокруг отца⁷⁰.

Широко известные слова «отец народа» означают, что Сталин для всех политический покровитель, «политический отец»:

Он войдет – и люди встанут,
И «Ура» и «Славу» грянут,
Своего узнав отца.
Это он детей народа
Вновь собрал под эти своды,
В зал Кремлевского дворца⁷¹.

Можно, конечно, заметить, что «дети народа» – отцовские любимцы. Но все тогдашние «дети» верили, что их любят одинаково. И главное – они сами любили своего отца-Сталина крепкой и трогательной любовью, насыщенной возвышенными эмоциями:

Любовь морской волной во мне
Вскипает все сильней.
И в этой светлой глубине
Я растворяюсь в ней.

⁶⁸ *Что земля родная так помолодела.* Украинская народная песня // Песни о Сталине. С. 120.

⁶⁹ *Думы народа.* Литовская народная песня // Там же. С. 139.

⁷⁰ *По-иному светит солнце.* Украинская народная песня // Там же. С. 73.

⁷¹ *Михалков С. Быль* // Песня о Сталине. С. 109.

И далее:

Любовь к нему – Отцу страны –
В поступках всех моих.
Ее мечом побеждены
Войска невзгод любимых⁷².

Но избыток чувств не мешает «семейной общине» во главе с патриархом совершать трудовые подвиги: «Делами трудовой семьи / Ты занят и зимой и летом, Сталин». И результат работы налицо:

Отец, твои слова тверды:
Ты обещал, и вот сады
Дают желанные плоды...⁷³

Сталин настолько заботлив, что для советского homo politicus он стал не только отцом, но и заменил всю семью:

Как учит отец различать добро,
Так нас наставлял терпеливо, Сталин.
Как мать неустанно растит сыновей,
Растишь ты героев на диво, Сталин⁷⁴.

Поэтому в тоталитарно-патримониальном политическом мире:

Нашей силе молодецкой
Нету края и конца.
Богатырь-герой – народ советский –
Славит Сталина-отца⁷⁵.

Сталин это вождь – отец для народа, но вождем он стал после Ленина. Сталин в мифе, таким образом, «политический сын» Ленина. Песни о Сталине всегда подчеркивают, что героев было два, но суть их подвига одина:

Нас двое вели в этот солнечный мир
Тяжелой и грозной порой.
И то, что задумал и начал один,
Теперь завершает второй.

⁷² *Турсун-Заде М.* Любовь к Сталину // Песня о Сталине. С. 133.

⁷³ *Стальский С.* Отец // Там же. С. 43.

⁷⁴ *Цадаса Г.* Сталину // Там же. С. 49.

⁷⁵ *Альмов С.* Россия // Песни о Сталине. С. 13.

И вывод:

И, кажется, Ленин по-прежнему жив,
И, кажется, Ленин в Кремле⁷⁶.

Миф четко очерчивает и порядковое место Сталина в этом
сдвоенном героическом комплексе. Он идет вслед за Лениным:

На радость народам,
На счастье земле
Живет твой наследник в московском Кремле.
Он мудр и отважен. Он горный орел,
Как ты, он народы к победам повел⁷⁷.

Сталин – наследник и поэтому преемник «законный», что означает политически родственную связь. В распространенном концепте мифа отождествлению героя с его настоящим отцом предшествуют конфликт и поиски, сопровождаемые испытаниями. В песенном варианте политического мифа о Сталине элемент конфликта (завещание Ленина) по понятным причинам отсутствует. Напротив, демонстрируется полное идеологическое взаимопонимание. Но все же абсолютное слияние героев происходит с физическим уходом Ленина-отца. И политический миф изумительно типично фиксирует механизм передачи харизмы по наследству. Источником поэтических сказаний становится знаменитая клятва Сталина у гроба любимого наставника:

Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался:
– Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться.
Все труды-заботы
На тебя ложатся.
А второй ответил:

⁷⁶ *Ошанин Л.* Нас двое вели в этот солнечный мир // Песни о Сталине. С. 42.

⁷⁷ *Джамбул.* Учитесь у Ленина // О Ленине и Сталине. Стихи и песни. М. ; Л., 1947. С. 14.

– Позабудь тревоги,
Мы тебе клянемся –
Не свернем с дороги.
И сдержал он клятву,
Клятву боевую:
Сделал он счастливой
Всю страну родную⁷⁸.

Мифологический вариант завета Ленина подается как публично легитимированное сталинское политическое наследство. Наследует же Сталин героический статус верховного вождя. Теперь он герой-наследник:

Сталин орлиную клятву давал,
Сталин орлиную клятву сдержал.
Сталин весь мир за собою ведет,
В Сталине Ленин бессмертный живет⁷⁹.

В конце концов, мифические Ленин и Сталин сливаются в один героический образ, поскольку этот герой в двух лицах проходит общий героический путь:

К победе Ленин нас привел.
Он вражьи гнезда в прах размел
И над землею, как орел,
Поднялся, став за бедных.

Затем:

Ушел он, дело поручив
Тебе, великий Сталин!
Основы Ленин заложил,
Но ты постройку завершил,
И каждый счастливо зажил
Под новой кровлей, Сталин!⁸⁰

Сюжетный аргумент в виде клятвы, передающей героическую сущность, позволяет решить и главную проблему мифа – бессмер-

⁷⁸ *Два сокола*. Народная песня // Песня о Сталине. С. 37–38.

⁷⁹ *Джамбул*. Песня о выполненной клятве // Там же. С. 42.

⁸⁰ *Стальский С.* Светочу мира, любимому Сталину! // Там же. С. 19.

тие героя. Герой, пройдя путь самосовершенствования и самовосхождения, достигает положения равного богам. Но политический миф имеет дело с реальными персонажами, которые вынуждены умереть в физическом смысле. И тут на помощь приходит преемственность, именно она обеспечивает непрерывность героического цикла:

Я знаю – свидетель мне прожитый век, –
Не умер ты. Есть на земле человек,
Умом и величием равный тебе.
Он – горный орел, закаленный в борьбе.
Тебе свою клятву он вечную дал
И клятву великую свято сдержал⁸¹.

Декларируется, что Ленин не умер и одержана мифическая победа над смертью. Смысл ее в том, что гипотетический вождь вечно живой, ведь «Сталин – это Ленин сегодня»:

Ведет страну к победам светлый Сталин,
Вокруг него сплотился весь народ.
Как клялся он – ему мы клятву дали.
Мы в нем, любимом, Ленина узнали.
Великий Ленин в Сталине живет!⁸²

Произошла так называемая реинкарнация, основным принципом которой является «непрерывная личность». То есть тоталитарный герой возродился одним из распространенных мифологических способов:

Идет он вразрез непогодам.
Земля под ногой горяча.
Из глаз его светит народам
Живая душа Ильича⁸³.

В сущности, бессмертный герой один, он только сменил имя:
Тому, кого Сталиным мир весь зовет,
В ком солнечный ленинский гений живет⁸⁴.

⁸¹ Джамбул. Песня о выполненной клятве // Песня о Сталине. С. 41.

⁸² Джамбул. Песня о клятве // О Ленине и Сталине. С. 7.

⁸³ Сурков А. Живая душа Ильича // Там же. С. 11.

⁸⁴ Джамбул. Учитесь у Ленина // Там же. С. 14.

Итак, герой-император вечен и обладает тиранической властью, но при этом он любим и почитаем. Именно в этой роли герой достигает полного величия и гигантского масштаба. Это уже бог-мессия, и его бессмертие есть залог спасения всего общества.

Но герой не только предназначен быть спасителем мира, он умеет спасать. Механизмом в этом деле выступает целый набор поистине магических способностей. Все вместе они характеризуют героя как всемогущего. Сталин, во-первых, суперрулевой:

Высокие звезды горят над Кремлем.
Столица Отчизны не спит.
Великий наш Сталин и ночью и днем
На ленинской вахте стоит⁸⁵.

Чудесна не сама функция, а ее непрерывное отправление: и днем и ночью. В текстах песен исключительно бодрствующий Сталин: «Ты днем и ночью у руля, / Тебе послушна вся земля»⁸⁶. Или: «И только он не спит на всей земле – / Он думу думает и не смыкает глаз»⁸⁷. Или: «За древней Кремлевской стеною / Не спит он порою ночью, / В труде не щадит свои силы, / Чтоб в радости рос ты, мой милый»⁸⁸.

Такое неусыпное лидерство делает вождя всевидящим и всеведущим:

Он смотрел сквозь пространство и время
В самый трудный и горестный год.
Был он всюду, всегда и со всеми,
Подымая на подвиг народ⁸⁹.

И вот результат:

Это он, великий Сталин,
В дальней дали видел то,
Что другие не видали,
Предсказать не мог никто⁹⁰.

⁸⁵ Жаров А. Голос Кремля // Песни о Сталине. С. 150.

⁸⁶ Стальский С. Светочу мира, любимому Сталину! // Песня о Сталине. С. 20.

⁸⁷ Сириос-Гира В. Сталину // Там же. С. 127.

⁸⁸ Витка В. Сыну // Там же. С. 149.

⁸⁹ Фадеева О. Спасибо Сталину! // Там же. С. 104.

⁹⁰ Михалков С. Быль // Там же. С. 109.

Перед нами воистину всевидящее око, «мудрое око»: «Ты в сердце каждого проник / Отцовским взором. Ты велик»⁹¹. Сталин не только все видит, но и все слышит: «Слышит он каждого города шум, / Каждого сердца стук»⁹². И замыкает этот магический круг всевластия – голос, ведь ораторский дар необходим харизматическому вождю:

В любом уголке ее слышится сильный,
Глубокий, уверенный голос Кремля.
То Сталина голос...⁹³

Понятно, что зря такие способности не растрачиваются: собираемая по всем лидерским каналам информация помогает вождю эффективно думать о каждом. Лейтмотивом большинства песен о Сталине служит утверждение-аксиома: вождь не спит и только и делает, что думает о своем народе. А мысль лидера и есть его главная сила, точно как в мифе, где разум может все. Именно мысль помогает, сохраняет и спасает мифическое сообщество и последнее отдает дань благодарности Спасителю-мудрецу:

Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живете на земле!⁹⁴

Символом этого мудреца на посту выступает неугасимый свет в его кремлевском окне. Свет – отражение энергии, а мысль – сама энергия. И снова мы вернулись к «энергетическому лидерству». Энергетическая мощь вождя-героя выступает в политическом мифе источником преобразования и обновления общества. Вслед за лидером социум как бы заново рождается на свет и славит данную метаморфозу:

Нам покорны стали воды,
И к ногам легли поля,
В мощный хор слились заводы,
Обновляется земля⁹⁵.

⁹¹ *Стальский С.* Отец // Песня о Сталине. С. 43.

⁹² *Гусев В.* Сталин в Кремле // Там же. С. 32.

⁹³ *Тычина П.* Песня о Сталине // Там же. С. 125.

⁹⁴ *Исаковский М.* Слово к товарищу Сталину // Песни о Сталине. С. 200.

При этом отдельный человек как частичка общего тоже становится причастным к страстно желаемому возрождению, которое символически предопределено бессмертием героя:

Солнце греет жарче,
Зори светят краше,
Люди молодеют,
Славят счастье наше⁹⁶.

Обновление природы и человека, ощущение социального возрождения и воспринимаются в архаической политической среде как «настоящее счастье»:

Какой красой Отчизна засияла
В зеленом шуме нив и звоне рек!
Я знаю: этот день нам вечно будет
Сиять лучами сталинских побед,
Сквозь годы понесет он счастье людям,
Цветенье юности, тепло и свет⁹⁷.

В мифе социальную производительность и активность символизирует молодость персонажа. В этом смысле юный противопоставляется дряхлому как отжившему и угасающему. В политическом мифе России общество новое и молодое потому, что энергию преобразования ему сообщает Сталин. По его воле «всходит солнце молодое» и:

По слову его молодому
сады зашумели густые,
Забилла вода ключевая
в сыпучих, горячих песках⁹⁸.

Таким образом, энергия возрождения освобождается из плена оков прошлого по мановению сталинской воли. А сам он – «отпиратель» магический ключ: «Имя Сталина – молодость, сила,

⁹⁵ Рыльский М. Песня о Сталине // Песни о Сталине. С. 50.

⁹⁶ Что земля родная так помолодела... // Там же. С. 120.

⁹⁷ Острейка А. День Победы // Песня о Сталине. С. 102.

⁹⁸ Исаковский М. Песня о Сталине // Там же. С. 6.

борьба»⁹⁹. Словом, и народ познал подлинное счастье, и вождь вечно молодой:

И жизнь в труде полна и хороша.
Нам светит Ваша вечно молодая,
Над временем летящая душа¹⁰⁰.

В качестве источника всех благ вождь и олицетворяет счастливую пору в целом. Но мифическое эпохальное счастье имеет не только временные координаты, но и пространственные. Град, пребывавший в странствии, нашел свое пристанище. Герой и общество шли, шли и... пришли в страну Справедливости:

Никогда так огни не сверкали,
Никогда так сады не цвели.
Мы счастливую землю искали,
Мы счастливую землю нашли.

И снова:

Все сбылось, о чем тосковали,
Что в мечтах затаенных несли...
Мы счастливую землю искали,
Мы счастливую землю нашли¹⁰¹.

Поэтому живут люди при Сталине в «стране небывалой». Страна эта доселе неведомая, т.е. справедливая. Герою здесь снова помогло чудо. Именно оно позволило воплотить в жизнь то, что могло лишь пригрезиться:

О Сталине лучшая песня моя!
Та песня от сказок, от снов золотых,
Что сделались явью в советских краях,
Что стали делами в просторах родных¹⁰².

Чудеса претворились в жизнь: «Что было мечтами – становится жатвой!»¹⁰³. Сны сбылись: «Пришли теперь и наши сроки,

⁹⁹ *Луговской В.* Побеждай, молодежь! // Там же. С. 58.

¹⁰⁰ *Сурков А.* Вождю народов // Песня о Сталине. С. 177.

¹⁰¹ *Исаковский М.* Счастливая земля // Песни о Сталине. С. 14–15.

¹⁰² *Купала Я.* О Сталине лучшая песня моя! // Песня о Сталине. С. 18.

¹⁰³ *Бажан М.* Первый депутат // Там же. С. 59.

/ И воплотился давний сон!»¹⁰⁴. В общем, чудо стало частью реальности, тем самым в песнях полностью воспроизвелась мифологическая картина мира. Герой-спаситель выполнил свою миссию.

Итак, сыграв мифологические роли воина, возлюбленного, императора и спасителя, Сталин не проигнорировал и ипостаси героя-святого. Конечно, он не собирался уходить от мира, но сказания подчеркивают его аскетизм. Видимое самоограничение не есть гордое отвержение мира, но «святая простота», поэтому вождь и не воспринимается как тиран. Миф воспевает многогранность героя-Сталина:

Это он сочетал воедино
Беспримерную доблесть бойца,
И величье вождя-исполина,
И простую сердечность отца...¹⁰⁵

Имидж святого вождя давал дополнительный сакральный вес властителю, когда отношения власти ощущались естественными узами:

И сам он был так бесконечно прост –
Народный вождь, военачальник, зодчий¹⁰⁶.

Не отрешившись от мира, не посягнув на самораспятие, тоталитарный герой, исполнив свое предназначение, уходит. Прервалась политически-мифологическая связь «отец – сын», последующий разоблачитель тирана не смог идентифицироваться с героем. Мифический герой покинул политическую сцену России. Но умер ли миф о герое?

В век индивидуалистической рациональности в принципе иссякает потребность в символе коллективного спасения, каждый спасается сам и на этом пути претерпевает поистине героические тяготы. Современный человек, не защищенный ритуалами, побеждая свою инфантильность, творит символическое подвижничество. Но

¹⁰⁴ *Нерис С.* Поэма о Сталине // Там же. С. 47.

¹⁰⁵ *Фадеева О.* Спасибо Сталину! // Песня о Сталине. С. 105.

¹⁰⁶ *Маршак С.* Памятная страница // Там же. С. 159.

насколько постсоветский человек современен? Или насколько он еще советский?

Думается, в любом случае, рано обольщаться верой в наши личные героические способности. А пока еще традиционному обществу хочется чего-то героического. Поэтому вполне возможно внезапное возвращение «героя коллективного», и снова вдруг померещится:

И звезды сильней заблистали,
И кровь ускоряет свой бег,
И смотрит с улыбкою Сталин –
Советский простой человек¹⁰⁷.

¹⁰⁷ *Лебедев-Кумач В.* Советский простой человек // *Песни Советской страны.* С. 65.

ПУТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Тоталитарный миф о герое дошел до исследователя рассредоточенным по многочисленным текстам. Первая глава построена нами на анализе стихов о Ленине и Сталине, где мифологизация персонажей задавалась самой художественной формой героического песнопения. Теперь же для выделения общеструктурных параметров мифа о герое целесообразнее опереться на официальный документ, рисующий цельную картину жизни героя (нет смысла использовать, к примеру, массив квазинародных личных воспоминаний о вождях ввиду их структурной фрагментарности).

В этой связи интерес представляют документы заведомо типовые: стандартные биографии Ленина и Сталина периода расцвета, так сказать, сдвоенного «культа личности»¹⁰⁸. Данный источник для наших последующих размышлений адекватен по ряду причин. Форма биографического штампа дает структурно развернутый рассказ о герое, а официозность творения предполагает наличие исчерпывающего набора устойчивых догматов. В местах их «наложений» под слоем тенденциозной концепции тоталитарного настоящего проявляется структура архетипической глубины. По символическому смыслу извлекаемая структурная конструкция совпадает с древнейшим мифом о герое, предпринявшим победоносное путешествие в страну Справедливости.

Итак, обнаруженная схема политического мифа о тоталитарном герое России универсальна для мифопоэтического жанра. Это полный опасностей и борьбы путь героя до Того Царства, Земли за Иорданом, т.е. Земного Рая. Но схематически тоталитарный миф довольно сложен, так как от начала и до конца героический путь проходят два персонажа, составляя единый образный комплекс.

¹⁰⁸ См.: *Ленин Владимир Ильич*. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1945; *Иосиф Виссарионович Сталин* (Краткая биография). М., 1939; *Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа. К семидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина*. М., 1949.

Персонализируют его тоталитарные вожди Ленин и Сталин. Каждый из пророков на своем индивидуальном «отрезке» добивается власти, но только в качестве средства достижения общей цели. Поэтому «мораль» вполне мифологическая: герой осуществляет свое господство в виде отправления общественного долга. Скорее эту норму можно было бы назвать архаическим требованием к ритуалу, символическим смыслом коллективистского деяния. Тоталитарный герой, с одной стороны, изначально предопределен к высшей власти, а с другой – вся его жизнь до назначенного срока есть обряд инициации для повышения политического статуса, понимаемого архаически. Соответственно в биографиях реальные факты скорректированы так, чтобы стать абстрактными вехами синтезированной героической стези.

Таким образом, вождей в тоталитарном обществе два, а мифический герой один. Почему? Не потому ли что героическая дорога одна? У Ленина всегда было представление об «ином пути», собственном, а Сталин пошел путем ленинским, не сворачивая в сторону. В биографиях «путь героя» приобретает догматическое значение и имеет глубокий смысл. Глубокий буквально: путь героических свершений сам по себе абсолютная ценность, одна из неустрашимых архетипических опор коллективного сознания. Путь героя политического мифа размечен базовыми образными символами и элементами. Главный символ здесь – архетипический образ героя. По «логике» мифа монопути адекватен и один герой. Теперь окинем мысленным взором весь путь тоталитарного героя. Следующий по значению символ, так сказать, цельность образа. Первое живое воплощение погибает на середине пути (не дойдя до Иордана), именно поэтому Сталин «доделал то, что Ленин не успел сделать». Факты биографий, пересекаясь, перемешиваются. Уже трудно разделить характеры, когда общая судьба. В этом органическом сплаве обеспечивается непрерывность героического процесса. Наконец, происходит полное отождествление: «Сталин это Ленин сегодня».

В качестве необходимого отступления можно заметить, что механизм мифического отождествления раскрывает подсознательные

основы культа вождей в России. Он проясняет и технологию «культуобразования»: Сталин творил собственный культ, опирая его на создаваемый им же культ Ленина. Признанный специалист по советскому лидерству Р. Такер писал: «Когда Сталин в молодости начал отождествлять себя с Лениным, взяв его за образец героя в революционном движении... он сформировал для себя собственный культ личности, ставший главной осью, вокруг которой вращался весь его внутренний мир. Это был двойной культ, при котором Ленин и Сталин как два прославляемых вождя оказывались неразрывно связанными с исторической судьбой русского коммунизма. Следовательно, взяв на себя инициативу в деле создания народного культа умершего Ленина, Сталин выразил глубоко скрытые мысли и (возможно, подсознательно) подготовил почву для будущего культа второго вождя»¹⁰⁹.

Очевидно, что Р. Такер рассматривает культ вождей в России не только исходя из историко-политической причинности, но и с точки зрения психологии лидера. В данном контексте, по его мнению, большую роль сыграли сталинские фантазии. Сталин тоже хотел быть героическим вождем, которого любят и которому доверяют. С юности он находился под впечатлением вождя Шамиля – «железного полководца» на белом коне. Этот идеал укрепила и партийная традиция вождизма. Но в партии вождь был один – Ленин. «Поэтому Сталина не могла удовлетворить роль просто властного лидера. Он не мог чувствовать себя настоящим “стальным человеком”, пока он оставался невоспетым руководителем партийного аппарата». Сталин должен был стать вторым Лениным¹¹⁰. Добавим, что единственный путь к этому был путем мифологическим.

Р. Такер совершенно обоснованно оценивает культ вождей как лидерскую внутреннюю данность. В отличие от него «избегание» психологии делает более уязвимым довольно распространенный в науке подход, в данном случае представленный Б. Эннкером. Со-

¹⁰⁹ Такер Р. Сталин: Путь к власти. С. 258–259.

¹¹⁰ Там же. С. 418.

гласно последнему, культ есть некое «спускание сверху» мифа о вождях при умелом манипулировании общественным мнением (по сути абсолютно чуждом «потребности в фюрерстве»). Нельзя не согласиться и с другим наблюдением Р. Такера: Сталин вынужден был использовать ленинскую харизму, так как сам пришел к власти как лидер нехаризматический. Последнее мнение преобладает в американской политологии, о чем свидетельствует фундаментальный словарь «Марксизм, социализм и западное общество» (под редакцией З. Бжезинского), приводящий Сталина в качестве примера лидера-аппаратчика.

Итак, Сталин, не имевший должности вождя, но жаждущий признания, мог получить желаемое с помощью создания образа вождя – наследника Ленина. А собственный культ как средство создания искомого образа, построенный на фундаменте культа Ленина, дал бы ему и формальный статус вождя, что важнее любого поста. В данной связи представляется неточным отождествление культа и мифа, что фактически делает тот же Б. Эннкер. Культ Ленина институционализировал его харизму как вождя. Одновременно он начал оформление мифа о двух вождях. А на основе этого мифа уже и разросся культ самого Сталина. То есть миф есть смысл, а культ лишь видимость смысла. Миф являлся в культе через подсознательный мир самого Сталина, догадливость его окружения, склонность общества к актуализации «архетипа вождя».

Возвращаясь собственно к назначению политического мифа о герое, следует подчеркнуть, что культ вождей готовился Сталиным не только сознательно. Более того, подсознательно он планировался как двойной культ: актуализировалась архетипическая структура мифа о «сдвоенном» Спасителе. Таким образом, основная побудительная причина и одновременно содержательная сторона культа вождей именно мифологическая. Любой культ всегда символически выражен: так «символический рисунок» культа тоталитарных вождей России обозначает схему архаической истории о пророке в двух лицах. Все это говорит о том, что Сталин сознательно крепил свою единоличную власть, но подсознательно он стремился стать не лидером и даже не харизматическим лидером.

Он возжелал славы мифического героя. Форма культа здесь не самоцель, а средство самомифологизации.

Итак, товарищ Сталин захотел стать и стал мифическим героем, что и отразили биографии вождей. Но если мы с данной позиции проанализируем источники, написанные в период расцвета сталинского культа, то обнаружим некоторую странность. На ленинском «отрезке» героического пути Сталин подается как «персонаж номер два», он в тени героя. Конечно, он присутствует во всех важнейших моментах революционной героики, но только присутствует. Сталин обязательно упоминается в биографиях как «самый верный соратник» и «ближайший помощник». Он первый в окружении героя, но не более того. В терминах мифа он всего лишь «волшебный спутник» героя, образно говоря, что-то вроде чудо-коня. Ему поручаются самые трудные участки работы, но кипучая деятельность помощника не затмевает доминирующих усилий Ленина-героя. Сталин просто имеет свои «ниши»: руководство Закавказским регионом, Царицынскую операцию в Гражданской войне, национальный вопрос и т.п. Везде он почти магическим образом сопутствует, помогает и служит герою. Но Сталин пока не герой.

Более того, Сталин при жизни героя-Ленина почти не дифференцируется сам по себе. Он идентифицируется мифологически в виде продолжения эталона вообще и в частности. Так, Сталин создает революционную организацию в Закавказье, точно как Ленин свой Союз борьбы за освобождение рабочего класса, он развивает учение Маркса в свою эпоху, точь-в-точь как Ленин развил его в свою и т.д. Здесь мы наблюдаем «классический» ход мифологического сознания, когда политическая современность превращается в реальность посредством установления символического подобия мифическому эталону. Согласно логике мифа, Сталин существует в качестве заглавной политической фигуры только потому, что он подобен Ленину. Именно так в средневековой Московии создавали генеалогические аналогии, чтобы символически объяснить возросшую политическую роль царя Ивана Грозного.

Таким образом, в мифе речь не идет о чередовании героев. Здесь один герой не просто сменяет другого, но заступает на

«убылое» место. В этом замещении не просматривается и проблемы героической иерархии. Нигде в биографиях вождей вы не встретите сравнения и рассуждения о том, кто кого «главнее» и важнее: Ленин Сталина или Сталин Ленина. Иерархический подход к вождям в мифе не корректен. Ленин – «патриарх» («Старик») по времени прихода в мир мифа. Он спаситель, первый по порядку следования к цели, он начал путь... И вот Ленин-человек умирает. Но политический миф, как и миф вообще, не признает смерти. В мифе Ленин всегда живой потому, что Сталин есть Ленин новой эпохи. Ленин мифологически возрождается в Сталине. Теперь герой уже Сталин, который, в свою очередь, тоже как бы заново рождается, обновляется. Начинается сталинский этап героического следования. На этом «отрезке» Ленин лишь упоминается, поменявшись со Сталиным мифическими ролями. Если Сталин становится героем, то Ленин занимает место его помощника. По значению он сближается с мифическим персонажем «волшебный помощник» (Мудрый старец). В этой роли Ленина порой бывает трудно дифференцировать от марксистских демиургов («близнецов») – Маркса и Энгельса.

Таким образом, в содержательном отношении миф о тоталитарном вожде демонстрирует нам ключевую мифологему, а именно возрождение (перерождение) героя.

Однако прежде чем переродиться, герой сначала должен появиться на свет. Здесь следует пояснить, что научную проблему вычленения мотива рождения мифического героя поставили фрейдисты. При этом З. Фрейд имел к данному сюжету лишь отношение иницирующее: его концепция «семейного романа невротика» предлагала материал для мифологических параллелей. Напрашивавшиеся параллели провел О. Ранк в специальной работе «Миф о рождении героя». Субъект мифа, по Ранку, индивид, вступивший в конфликт с отцом. Но фрейдистская схема «эдипова комплекса» именно в мифе о рождении не воспроизводится полностью. Согласно самому Фрейду, мотив конфликта формируется не влечением к матери, а утаиванием механизма рождения со стороны отца. Поэтому вражда как таковая еще более подчеркивается, а мо-

тив мести отцу очень важен. О. Ранк моделирует стандартное сказание о герое рожденном, основные характеристики которого сводятся к знатному (зачастую царскому) происхождению, преданию младенца воде, воспитанию затем его приемными родителями низкого статуса и, наконец, возвращению героя к присущему для него по праву месту в обществе¹¹¹.

К повторяющимся деталям мифа относятся и пророчества о лидерской роли героя. Особенно важен, по Ранку, сюжет предания воде. Выбрасывание героя в воду есть «символическое выражение родов», а корзина, сосуд или короб и прочие вместилища для младенца символизируют лоно матери¹¹². Номинативно понятие «отец» замещается словом «тиран» и отождествляется с царем – деспотическим преследователем¹¹³.

Таким образом, миф, согласно Ранку, оправдывает и героя и индивида в их восстании против отца. Бунтарство есть лейтмотив мифа о рождении. Оно движет не только миф, но и политику, если в обществе действует личность героического типа. Герой-анархист становится гонителем царя и цареубийцей психологически аналогично герою мифа. Но революционер-анархист убивает не того, кого в действительности хотел уничтожить, так как поверхностная политическая мотивация скрывает его подсознательное отвращение к отцу¹¹⁴. Если трактовать политику России по Фрейду, то герой тоталитарного мифа предстанет в облике радикального антипода царской власти, что с иных позиций подчеркивает текст биографий о вождах.

Совершенно по-другому рассматривает миф о герое К.Г. Юнг, ведь для него субъектом мифа стал архаический коллектив (общество). Для того, чтобы выделить отличия в понимании фрейдистами и юнгианцами указанной мифологемы, сошлемся на предисловие В. Менжулина к книге О. Ранка. Итак, Юнг интерпретирует

¹¹¹ Ранк О. Миф о рождении героя. М., 1997. С. 216, 223–224.

¹¹² Там же. С. 225.

¹¹³ Там же. С. 231, 234.

¹¹⁴ Там же. С. 248–249.

миф о герое асексуально. Логика мифа, по Юнгу, иная: кровосмешение обосновывало идею возрождения. То есть мифологическая фантазия заключалась в том, что наиболее простой способ возрождения состоит во вторичном рождении героя из утробы собственной матери. Инцест и обеспечивал божественное самопорождение (пример дает миф об Осирисе). Таким образом, получалось, что выбрасывание в воду есть особая смерть, предшествующая родам из воды (моря, реки и т.п.). Второе рождение из утробы матери (ковчег, бочонок, корзина и т.п.) позволяло возродиться к вечной жизни подобно бессмертному Солнцу. К.Г. Юнг полагал, что в центре фантазий и интересов архаического человека был не индивидуалистический мотив влечения к матери, а коллективное предчувствие возрождения. В. Менжулин заключает, что «героический миф – это миф вовсе не только о рождении героя, но также и о его смерти и возрождении»¹¹⁵.

Мысль К.Г. Юнга, адаптированная к политическому мифу, свидетельствует о преобладании в нем значения социального (коллективного) перерождения, символизирующегося возрождением героя как эталона в бессмертное состояние. И она, по нашему мнению, более органична образу героя российского тоталитарного сказания. Мифологема возрождения героя присуща для структурной схемы как «узловой» элемент. Мотив второго рождения необходим коллективному сознанию как исток: прежде чем принести спасение обществу, т.е. в мифологической интерпретации перерождение последнего к новой жизни, героический лидер не может не трансформироваться сам. Он первым обязан испытать путь, ведущий в бессмертие.

Проблеме психологии трансформации личности посвящена специальная работа К.Г. Юнга «О перерождении». В ней делается вывод о существовании «архетипа трансформации»¹¹⁶. Суть самой трансформации состоит в трансценденции жизни, а наиболее зна-

¹¹⁵ Менжулин В. Путь героя // Ранк О. Миф о рождении героя. С. 11–13.

¹¹⁶ Юнг К.Г. О перерождении // Юнг К.Г. Синхронистичность. Москва ; Киев, 1997. С. 175.

чимыми в данной связи являются такие ее формы, как воскрешение и перерождение. В субъективной трансформации большое место занимает отождествление (с группой, культовым героем). Но особенно важна (применительно к мифологическому восприятию героя-лидера) символика перерождения. Герой «вновь рожден, пробужденный к новой жизни. Это произошло посредством контакта с водами жизни...»¹¹⁷. Вот один из главных символов возрождения. А далее подчеркивается, что перерождение героя несет ему бессмертие. Логика рассуждений психолога такова: трансформироваться может только «корень сознания», так как именно бессознательное энергетически питает поверхностную сферу сознательного. При этом бессознательное воображается посторонним лицом. А поскольку бессознательное несет в себе целостность, недостающую сознанию, то это «сокровище» олицетворяется. Персонификация потребности в целостности представляет собой личность, олицетворяющую союз сознания и подсознания¹¹⁸. Таким лицом в политическом мифе может быть только герой-божество, т.е. герой-человек, трансформировавшийся в бога, а значит переродившийся тотально, сущностно. Конечно, тело героя тоталитарного мифа России смертно, хотя и его земная жизнь продлевается мумифицированием и физическим замещением. А вот духовно герой трансцендируется – он «вечно живой». Это уже ипостась бога. Но этот бог субъективен, он существует только в сознании индивида. Здесь сознание идет традиционным путем, ведь еще религия, по словам того же К.Г. Юнга, предложила вариант индивидуализации как инкарнации и проявления самого бога¹¹⁹.

Инкарнацией бога может, по Юнгу, выступить и самость, если она обнаружилась в виде личности мифологического героя. Например, у Юнга это Хадир – мифический герой Корана. Он есть инкарнация самого Аллаха. Итак, психическая общность, архетип коллективного бессознательного могут стать мифологическим ге-

¹¹⁷ Юнг К.Г. О перерождении... С. 168.

¹¹⁸ Там же. С. 169.

¹¹⁹ Юнг К.Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) // Юнг К.Г. Синхроничность. С. 81.

роем. Этот герой проходит типичный героический путь: уже при рождении ему угрожают враждебные коллективные силы, а в конце он расчлененный силами тьмы и возрожденный бог. Акт возрождения и составляет в психологическом смысле процесс индивидуализации, резюмирует К.Г. Юнг¹²⁰.

По Юнгу, процесс индивидуализации заканчивается в коллективном бессознательном, центром которого служит самость. А символом обретения самости выступает некая «округлость», например, круг-целостность. Искомая целостность может символически оформляться и в виде квадрата. Таким образом, символическое изображение (явленное в знаке или подсознательно данное) синтезировано и замкнуто. Символика целостности особенно важна в политике, где действует система и возникает проблема ее устойчивости. Согласно Юнгу, наиболее примитивные, а значит вместе с тем и наиболее устойчивые (как базовые) схемы порядка – это триады и тетрады. Число вообще, считает Юнг, выступает в сознании архетипом порядка. Психические образы целостности (символы самости в форме мандалы) тоже имеют математическую структуру: как правило, они четвертные или кратные им числа. Данные структуры, по Юнгу, «не только выражают порядок, они создают его». Они «появляются в моменты психической дезориентации, компенсируя хаотическое состояние или формулируя нуминозные ощущения»¹²¹.

Описанный синтетический символ проходит буквально «красной нитью» сквозь биографии тоталитарных вождей России. Стремление политико-архаического коллектива к порядку и системе идет по кругу: основоположник учения-порядка Маркс – его сподвижник и продолжатель Энгельс – их продолжатель в России Ленин – и продолжатель Маркса-Энгельса с Лениным в России Сталин. Полный круг замыкается, образуя фигуру символического квадрата. С догматическим упорством заклинания снова и снова

¹²⁰ Юнг К.Г. О перерождении. С. 170–172, 174–175.

¹²¹ Юнг К.Г. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип // Юнг К.Г. Синхронистичность. С. 232.

повторяется-прокручивается схема в обязательной последовательности имен и в тех же формулах-формулировках. Здесь не просто «верхушечная» обязательность директивы (это, конечно, важно), но главное – удовлетворение бессознательной коллективной потребности применить символическую опору политического порядка – магическую тетраду. Не случайно и композиционное совпадение: штамп воспроизводится в местах пересечения пиков социальной напряженности с политическими задачами героя. Таким образом, герой тоталитарного мифа России входит как атрибут в базовую систему политического порядка и целостности. И в этом состоит его второе (после миссии Спасителя) политико-героическое предназначение, его архетипичность для сферы политики. Через политический миф о герое символически-номинативная целостность скрепляет и порядок-реальность, систему тоталитарного политического порядка в России.

Итак, герой российского тоталитарного мифа выполняет две структурные функции: 1) он сам возрождается к вечной политической жизни для дальнейшей успешной общесоциальной трансценденции на земле и 2) замыкает символическую матрицу порядка и целостности политико-архаического культурного анклава. Наконец, герой (как частность) становится выражением политического социума (как общего), а потерянное прошлое благодаря ему восстает из руин и живет в настоящем как будущем, при этом остро переживаясь. Так происходит полное и естественное воспроизведение мифологической структуры.

А значит этот миф невозможно окончательно изъять из политического сознания современного общества, поскольку базовая структура неизбежно попытается исподволь проскользнуть в незамаскированных псевдомифах, которым, кажется, никто и не верит. Нет, Горбачев и Ельцин не герои современного политического мифа России, но сама потребность в мифе о герое жива. Именно это социологически не измеряемое стойкое нуминозное чувство и дает витки в общем-то непредсказуемых взлетов популярности некоторых политических лидеров России (Жириновского, Лебеда). Конечно, задним числом отыскиваются резоны, но пока герой

ушел в эпоху изначальную, какой-то лидер современности может стать его одномоментным субститутом. Политический лидер способен предстать не только в образе легендарного воина-спасителя, но и в фигуре «разыгрывающего дурака». Последний мифологический мотив призван под маской псевдоинфантильности в политике скрыть ее действительную детскость. Неподлинность мифа здесь раскрывается даже формулировками мотивов предпочтений, но скрытый смысл ожиданий – базовый. Так современный политический миф «играет» с реальностью, творя с детской непосредственностью и агрессивностью нашу действительность. Поэтому тогда как тоталитарный мифологический герой ушел в том смысле, в каком нет с нами Осириса, Кира, Ромула и других его собратьев, он пребывает сегодня в «эльфических», провоцирующих элементах политического поведения. Опять растерявшаяся самость ищет опорного символического воплощения как персонификации. Именно личность-герой снова может замкнуть разорванный круг.

Мифологическая метаморфоза героя как проекции возрождения общества укладывается и в концепцию А.Дж. Тойнби, изложенную в его знаменитом исследовании «Постижение истории». Тойнби интересуется проблема распада цивилизации, начинающегося с прекращением ее роста. Цивилизации имеют два «патентованных» рецепта для данного случая: архаизм и футуризм. (Возможен и третий путь – новое рационалистическое воссоединение разрушенных элементов.) Архаизм есть прыжок из настоящего в прошлое, а футуризм – в грядущее. Но ученый делает вывод: «Футуризм и архаизм – прямые отрицания роста, и в этом суть их трагедии». Иные реакции на надлом, но выраженные в форме роста цивилизации, определяются Тойнби как отрешение и преображение. Отрешение просто уход, а преображение – «двухтактный ход, где первая часть представляет собой уход, а вторая – возврат. Различие между актом ухода и актом Ухода-и-Возврата – не различие между двумя путями, а между двумя этапами одного пути». Тожество пути можно подтвердить анализом цели. Цель движения Ухода-и-Возврата – преображение. «Цель преображения – осветить сидящих во тьме (Лука 1, 79) и дать возможность свету пре-

одолеть тьму (Иоанн 1, 5). Цель преображения, таким образом, есть Царствие Божие»¹²². Всем известно, что путь в Царство Божие лежит через подвиг Христа, распятого и воскресшего. Именно здесь, в переломный период развития общества, и появляется герой, символизирующий надежду на спасение от грядущей катастрофы. В этом состоит цивилизационное значение политического мифа о герое. Герой преподносит обществу урок преображенной жизни и, отождествляя себя с ним, общество ищет спасения как в древности, так и самых современных духовных формах. А в архаической политической культуре, если есть идея, значит должна быть и реальность. Реальность тоталитарного социума состояла в том, что каждый был уверен в обновлении и будущей политической перспективе.

Герой всегда и символ нового. Как только Сталин становится героем, обозначается новая эпоха. В мифе эпоха выступает «политической матерью» героя. В мифологическом стереотипе материнской пары это «знатная мать». Каждая эпоха имеет свое имя. В биографиях вождей неустанно повторяются номинативные штампы: Ленин принадлежит «эпохе империализма и пролетарской революции», а Сталин – «эпохе общего кризиса капитализма». Тем самым с обновлением (возрождением) героя политическое время начинает новый виток. А Ленин, в свою очередь, был новым явлением по отношению к Марксу, жившему в эпоху доимпериалистического капитала. По мифологической логике, Ленина можно смело назвать Марксом эпохи империализма. Так подчеркивается значение свежей «политической крови» для мифотворения как символического развития.

В архаическом мифе герой-новатор или приходит извне, или вырастает в самой системе. Назначение политического тоталитарного героя, продуцированного системой, глобальное: он призван обновить весь мир. Итак, у героя есть цель – миссия спасения. И в этом значении герой несвободен. Отсутствие свободы для героя равно подчинению цели. Подчинение (зависимость) от цели есть

¹²² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 448–449.

свойство типичного героя любого мифа. По словам Д. Кэмпбелла, «герой является человеком добровольно принятого подчинения» и этим он отличается от тирана – исполина индивидуальной независимости¹²³. Как тут не вспомнить про первичность объективных причин и вторичность роли личности в марксистской истории. Тоталитарная героическая личность неизменно подчеркнуто ссылается на подчинение фактору масс, на общественную задетерминированность. В сущности и по видимости герой тоталитарного мифа лишен всяческой самостоятельности: точно герой волшебной сказки, который без советов волшебного помощника ни туда, ни сюда.

Таким главным волшебным помощником (и дарителем) тоталитарного мифа служит Марксистское Учение. Оно действительно «всесильно» в политическом сказании, а герой без него беспомощен. Чтобы ни задумал предпринять герой-пророк, он сперва обратится за советом к Учению. Биографии прямо указывают на признаки гениальности вождизма: теоретическое продолжение и практическое воплощение Учения. Ленин постоянно советуется с Марксом-Энгельсом, Сталин – со всеми тремя. Начинает складываться впечатление, что сам Маркс изначально посоветовался с собственным творением. Учение есть оживляемый и заместительно персонифицированный образ (Марксизм-Ленинизм).

Таким образом, Марксистское Учение выступает другим центральным символом тоталитарного мифа России. Это своего рода политическая интерпретация одного из ведущих юнговских архетипов, а именно «архетипа смысла». Данный архетип является в образе Старого мудреца, бессмертного демона, «освещающего хаотическую темноту жизни лучом смысла»¹²⁴. Действительно, марксистское учение в свое время начинало с «разбивания таблиц», но потом само было превращено в монолитные скрижали. Постепенно архетипически неистребимая общественная потребность в «смысле» оформляется

¹²³ Кэмпбелл Дж. Герой с тысячьо лицами. Киев, 1997. С. 20–21.

¹²⁴ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 124–125.

догматически и «люциферствующий» старец в тоталитарном обществе становится мыслью-персоной, облаченной в гранит.

Итак, явленный «архетип старого мудреца» имеет тенденцию к неподвижности, а активным элементом политической сферы служит персонифицированный «архетип вождя», культурно-историческим прототипом которого был умерший и воскресший бог.

Рассмотрев проблему героической трансформации в целом, обратимся теперь к соответствующему анализу текстов биографий тоталитарных вождей России. Начнем с вождя-отца. «Владимир Ильич Ленин. Краткий очерк жизни и деятельности» подчеркивает переломный момент в судьбе героя, отделяющий жизненную тропу человека от стези революционера. Революционер несомненно человек «высшего сорта», в значительной степени обобщенный и абстрактный. Конечно, мы не станем повторять банальных суждений о мотивах данного индивида, претерпевшего превращение в героическое высшее существо. Нет, не поверхностное желание мести за репрессированного брата подвигло молодого Ленина на путь самосовершенствования и самоотвержения. Побуждение здесь базовое и мифологическое. Напомним, однако, официальную версию: Александр, свидетельствует биография, действительно влиял на юного Ленина, ведь именно он познакомил брата с «Капиталом» – Учением. Поэтому казнь Александра в 1887 г. «бесповоротно» поставила юношу на героически-революционную дорогу.

О коренной перемене в биографии сказано словами друга семьи Ульяновых В.В. Кашкадамова: «Передо мной сидел уже не прежний, бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом»¹²⁵. Но герой не просто повзрослел, а именно трансформировался в революционера, выбрав особый путь-дорогу. Он в одночасье обернулся «величайшим человеком современности», как титуловал его Сталин. Никаких переходных биографических сюжетов политический миф не предлагает: начинающего адепта в сказании сразу сменяет признанный всеми пророк. Основание для столь внезапного партийно-

¹²⁵ Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни. С. 5–6.

го лидерства одно – незаурядный харизматический дар. Вследствие трансформации возникло существо наивысшего политического порядка, земное подобие бессмертного божества. Факты реальной жизни В.И. Ульянова здесь используются как канва, на которой «вышивается» мифологический узор – схема путешествия героя-Ленина. Тенденциозность подбора биографических сведений задана мифом о Спасителе. При этом конкретные элементы сказания и его общая структура настолько концептуально спаяны, что становится трудно отделить миф от действительности. Исторический факт вращается в миф, а мифологическая структура выходит в уже тоталитарное настоящее.

О. Ранк на основе многочисленных текстов сделал наблюдения над структурой мифорассказа о герое. При анализе его обобщений выявляется, что неизменной остается ведущая схематическая ось. Обычно она развертывается в виде линейного повествования. По нашему мнению, в политическом мифе, при сохранении сущностной цельности, «участки» сквозной линии могут сворачиваться до экономной формулы. Поступательное изложение местами сжимается до значения мифического звена: ключевого мотива, сюжета и т.п. Типичный героический рассказ, согласно Ранку, претерпевает многочисленные структурные трансформации: от инверсий до частичных переструктураций (хронология, детали, особенно часто варьируются второстепенные элементы). В мифе могут появиться боковые (параллельные) линии, происходит переворачивание символики и т.д. Что касается политического мифа России, то не упуская ни одной из перечисленных возможностей продемонстрировать способность к вариативности, он (на примере полного текста) показывает и одновременную склонность к структурному упрощению как концентрации. Поэтому постоянство рисунка структуры российского политического мифа носит вид не «каркасный», а беспорядочно «узелковый». К политическому сказанию о вождах, состоящему из последовательного подбора свернутых звеньев (замещающих целые сюжеты), подсоединяются, как правило, в виде резюме и концовок структурные «довески». Последний структурно беспорядочный материал состоит из изолирован-

ных (до значения мини-мифов) кусочков разрозненных типично сюжетных линий. Особенно характерен в этом смысле мотив перерождения. Политическое возрождение героя-Ленина не описывается биографией как процесс. В развернутом сказании мы сразу и вдруг сталкиваемся с обновленным героем. Но вот в биографическом «хвалебном реестре» неожиданно-негаданно можно встретить значимые мифологические детали, ранее пропущенные. Так «политическое родство» героя-отца и героя-сына утверждается догматически. Причем фрагменты мифологической фантазии, вырванные из гипотетического контекста (к примеру, «Ленин и Партия – близнецы-братья»), начинают жить самостоятельной мифической жизнью.

Конкретный образец сведения рассказа к формуле, процесса к результату дает описание трансформации вождя-Ленина. То, что данного героя в юности «бросили в реку жизни» и он выплыл возрожденным существом иного порядка, не вербализовано в тексте. Но смысл происшедшего однозначен, поскольку нуминозные качества Ленина обретают харизматический вид одномоментно. Он, подобно вихрю, врывается в революционные руководящие круги и словно молния озаряет всех светом своей истины. Даже сдержанный Сталин сразу в 1901 г. с необычайным пылом опознает в нем вождя. Позднее он задает чисто мифологическую матрицу подачи образа Ленина в специальной книге «Сталин о Ленине». Цитируя ее многократно, биография гласит словами второго «величайшего человека современности»: Ленин «не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел»¹²⁶. Этот зоморфный символ служит Сталину для обозначения понятия «того, кто выше всех» в политике. Метафорический образ упоминается им неоднократно, что скрупулезно фиксирует биография. Символические вехи политического перерождения высвечиваются из подтекста цельного повествования.

Так, подразумеваемая «река жизни» впадает в общее русло исторической эпохи – эпохи пролетарской революции. Из данного,

¹²⁶ Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни... С. 62.

уже отчетливо обозначенного «политического потока» вторично производится революционное существо – Революционер. Ленин не рядовой революционер, а тот, кто постиг революционную истину – Учение. Получается, что исключительный Революционер как бы «самопорождается» посредством личного духовного самовосхождения. Биография акцентирует соответствующий штамп: «марксизм не догма», надо его развивать и двигать вперед¹²⁷. Герой сам сотворяет в себе и из себя марксиста, причем самого ортодоксального толка, но одновременно с поправкой на политическое время.

Таким образом, Герой и Эпоха – два животворящих «начала» политического мифа России. У Ленина появляются как бы две матери (удвоение родителей весьма характерно для мифа о рождении): биологическая и мистическая. Абстрактная высота символического образа «политической матери» находится на уровне развитого религиозного мифа (эпоха это ведь собственно сакральная Идея, когда бог – «материализовавшаяся» История, а название эпохи предполагает обязательную мифологему борьбы добра и зла). И мать-идея столь значима потому, что миф о вождях не дорос до идеи-отца. С учетом данного предпочтения, героический миф все еще языческий миф о рождении вечного Солнца.

Рассматриваемая мифологема перерождения дублируется в мотиве возрождения героя-Сталина. На первый взгляд это структурное излишество, поскольку Сталин как герой действует на «отрезке» пути Революционера. По самому своему предназначению он лишь «великий продолжатель» дела героя-Ленина и «поднимает знамя» в уже зрелом возрасте, будучи давно сознательным марксистом-революционером. «Краткая биография» Сталина точно размечает героический порядок следования: он «пошел по пути Ленина»¹²⁸. Наряду с этим этапы предшествовавшей марксистской трансформации не менее четко очерчены: участие в марксистских организациях и борьба; чтение классиков – Маркса и Энгельса, т.е. самосовершенствование и обретение «вождя» Ленина, сообщив-

¹²⁷ Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни... С. 295.

¹²⁸ Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография). С. 8.

шего героическую энергию. В любом случае структурный элемент перерождения присутствует и сущностно. В чем же смысл трансформации героя-Сталина? Может быть ему требовалась не полная, а частичная трансформация, поскольку герой-продолжатель обладал политическим бессмертием изначально? Но тогда возникает вопрос: зачем было нужно усовершенствовать и без того идеальное политическое существо? Все тайны мифологического рождения раскрывают заключение к разделу юбилейной биографии Сталина и резюме биографии Ленина. Эти уже упомянутые структурные «довески» вообще представляют собой настоящие кладбища мифологической информации. В данном случае оба указанных источника пронизательно именуют товарища Сталина «лучшим сыном большевистской партии»¹²⁹.

Итак, в политическом мифе Сталин – сын, а партия – его мать. Более обстоятельная и объемная биография Ленина включает в себе и ключевую пояснительную фразу: жизнь и деятельность Ленина сливаются с партией, которую он же и создал¹³⁰. То есть Ленин мифологически отождествляется с партией, своим собственным детищем. Здесь следует напомнить, что мифам вообще свойственно отождествление родственных персонажей (как правило, отца с сыном, но могут отождествляться братья-близнецы и др.). Сколь не запутана в политическом мифе «династическая» картина, ясно главное: Ленин-герой выступает политическим отцом героя-Сталина. Не только учителем, т.е. старшим в деле постижения Учения, но и политическим прародителем, передавшим дело «законному» наследнику.

В политическом сказании о вождях мы реконструируем не полностью прописанную схему мифа о возрождающемся герое. Пример для развернутой психоаналитической интерпретации мифологемы возрождения дает миф об Осирисе. Осирис сперва рождается из утробы матери (море, земля), затем инцестирует с сестрой Изидой

¹²⁹ *Великий вождь и учитель...* С. 9; *Ленин Владимир Ильич*. Краткий очерк жизни. С. 292.

¹³⁰ *Ленин Владимир Ильич*. Краткий очерк жизни. С. 294.

дой (выступающей субститутом матери). А в итоге восходит на небосвод для новой жизни в облике собственного сына Гора. Приведенная схема, безотносительно концептуального смысла, может рассматриваться сегодня как универсальная «формула» первой ступени коллективного возрождения (такая символическая последовательность приобретения бессмертия героем рассмотрена К.Г. Юнгом в «Метаморфозах и символах либидо»)¹³¹.

Конечно, по вполне понятным причинам современный политический миф не мог воспроизвести архетипическую «формулу» буквально. Но для сохранения мифологического содержания столь многого и не требовалось. Вполне достаточно оказалось наличия двух схематических опорных звеньев: 1) самопорождения героя как существа равного богам; 2) тотального возрождения его в другом облике, т.е. трансформации посредством достижения божественного бессмертия. В политическом мифе происходит не только «двойное возрождение», но и используется сдвоенное отождествление: герой возрождается сам и затем порождает бессмертного героя-заместителя. Второе отождествление необходимо как инкарнация героической сущности от отца к сыну. Мифологическая композиция синтезирует два рассказа в единый процесс не просто через связку «герой – герой», а через «возрождение – возрождение». При всех модификациях, с одной стороны, купирующих общемифическую схему возрождения, с другой – одновременно вводящих востребованные параллельные сюжеты, утяжеляющие структуру, политический миф не хуже архаического выпячивает «родственный» мотив. Так или иначе, но божественное бессмертие вернее всего достигается посредством «порождения» отцом-героем героического сына. (Логика здесь «железная»: полное возрождение есть вторичное рождение как самопорождение и иного в «солярном» мифе не дано.)

Итак, Сталин как герой возрожденный был мифологически-материально нужен обществу при естественно-бессознательной потребности последнего к коллективному фантазированию. И это

¹³¹ См.: Менжулин В. Путь героя. С. 11.

же одновременно объясняет объективную (а не только рационально-властную) потребность самого Сталина в учреждении культа Ленина-отца. Общество, «обреченное» на миф, не могло противиться его внешнему выражению – культу героев, пусть даже инспирированному лидером-наследником. То есть сталинские тактические намерения «эксплуатировать харизму» Ленина совпали с актуализировавшимся архетипическим культурно-политическим комплексом возрождения. Поэтому, с обыденной точки зрения, гротескные и безвкусные «титулы» вождя Сталина в праздничной среде политического мифотворения выглядят, напротив, оправданно и уместно. В данной сакрализованной обстановке Сталин «на полном серьезе» «вечно живое Солнце», что и подтверждали многочисленные гимны вождю. Конечно, тоталитарный индивид дифференцировал «фараона – символическую субстанцию» и «его вечно божественную сущность», но чувствовал их нуминозную нераздельность. Ведь в культуре коллективные эмоции важнее смысла, именно они (а не индивидуальный злой умысел) обеспечили «энергетическую» передачу харизмы от одного вождя к другому. Передача сакрального имиджа вождя происходила постепенно, шаг за шагом через механизм «раскручивания» псевдомифа. Но псевдомифы опирались на устойчивый естественный миф, и последнее обстоятельство рутинизировало экзистенциальную харизму, не снижая ее эмоциональной энергетики. Именно на миф в целом опиралось это беспрецедентно затянувшееся харизматическое господство в двух ипостасях. Под данным углом зрения, хваленая за функциональную эффективность принуждения идеологическая составляющая тоталитарного режима предстает отнюдь не базовым двигателем. Неброским по сути, но кричащим по форме фактором тоталитаризма в России послужил именно политический миф о вождях.

Неистребимость архетипа возрождения; подсознательное стремление социума к целостности-порядку; традиционность воспроизведения ментальности, ищущей «невидимого Града» – все сфокусировалось в политическом символе-герое. В такой политико-культурной среде идеологические директивы как таковые и ме-

ханизм «волевого манипулирования» вторичны и даже малопродуктивны. Вот почему Н.С. Хрущев, неосмотрительно ниспровергнувший героя-сына, тем же самым ударом сокрушил и опорную схему политической мифологии России в целом. Сколько ни трудилась затем идеологическая индустрия, заместительно возвеличивая героя-одиночку, Ленин все безвозвратнее уходил в мифологическое прошлое, хотя и почитаемое в советское время. А в политическом немифическом времени, даже соединенном с идеалом-будущим, «Ленина сегодня» никак не рождалось. При всем восхищении общества героем вообще, Л.И. Брежнев, этот идеологизируемый «верный ленинец», смотрелся оскорбительной карикатурой на героя-продолжателя. Так, с «захоронением» героя-Сталина харизматическое господство сменилось все более слабым господством.

ГЕРОЙ И ПРЕЗИДЕНТ

Мифологическое значение героя, продолжившего путь с середины, состоит, как мы убедились ранее, в формировании традиции. Поддерживая миф, герой и лидер (в одном лице) творят и традиционный процесс, ведь традиция есть продолжение стереотипа во времени¹³². Если теперь условно развернуть «цепочку» политической традиции советского вождизма, то она разложится на два внутренних мифа-рассказа (каждый со своим героем-лидером). Актуализация политического мифа вообще, по всей видимости, один из способов продолжения традиционного процесса (миф о Москве – Третьем Риме и миф о пролетариате, например, были вехами в развитии мессианской традиции России). Особенность же тоталитарного традиционного образования состоит в том, что основа его – миф о вождях – была сдвоенной. Такая структура, как мы видели, характерна для сложных мифов, но она не оригинальна.

Структура тоталитарного мифа России находит аналог в мифе христианском: имеется в виду история преемственности Иисуса Навина от Моисея. Миф повествует о двух важнейших ветхозаветных этапах истории. Сначала Моисей вывел свой народ из Египта. А затем его преемник и помощник Иисус Навин завоевал Ханаан и разделил земли между коленами израильскими. Данные события похожи на тоталитарную историю потому, что и там и там архаические вожди вели народы как богоизбранные. Но особенно существенно совпадение структурного приема «единства в двух лицах»: вождя-патриарха народа-богоносца сменяет вождь – великий продолжатель. Продолжатель означает также и заместитель предшественника: «Сталин это Ленин сегодня» или «Тогда Господь

¹³² См.: Сепир Э. Обычай // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 574–575.

сказал Иисусу: в сей день Я начну прославлять тебя пред очами всех (сынов) Израиля, дабы они узнали, что как Я был с Моисеем, так буду и с тобою»¹³³. И то и другое замещение опирается на «обязательное чудо», т.е. на необходимое, по словам М. Вебера, «доказательство» харизматических качеств вождя. Именно благодаря Сталину, «великому продолжателю дела и учения Маркса и Энгельса», Ленин оказывается «вечно живым». Власть Сталина признается потому, что он от божества-Идеи, которая имеет в России и материально-символическое обоснование сакральности – «коммунистические святые мощи». Для легитимации же Иисуса Навина Бог заставляет воды Иордана остановиться, чтобы народ перешел посуху на другой берег. Именно пророчески предсказуемая вера и дает возможность свершиться чуду, так как она есть чудо из чудес.

Политическое чудо – обязательный элемент архаической политической культуры. А чудотворец-вождь – это, так сказать, «архаический лидер». Суть данного «лидерского типажа» отразил на примере характеристики того же Иисуса Навина В.В. Иванов: «В личности самого И. Н. с его способностью подчинить свои действия и действия всего руководимого им народа голосу бога, через него говорившего, усматривают историко-психологическую реальность, характерную для эпохи становления личного сознания»¹³⁴. Наложение библейской архаической «матрицы» на политико-психологическую реальность тоталитарной России позволяет констатировать принципиальную культурную идентичность. В такой политической культуре доминирует пророк. Мы условно назовем этот тип лидера «вождь – божественный рупор». Такой лидер сам по себе (без божественного откровения) немного значит. Он своего рода «марионетка» в руках бога, дергающего за «веревочки-догматы». Догматическое постоянство – вот цель происходящего, а пророк несет догмат в общество в виде слова. «Несение слова» обществу и составляет лидерскую миссию (т.е. слова Учения, неважно христово ли, марксистского ли). Герой-

¹³³ *Иисуса Навина*. 3. 7.

¹³⁴ *Иванов В.В.* Иисус Навин // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 490.

ство как свершение личного подвига на втором месте у такого лидера, оно артефакт его биографии.

Озабоченный миссией «рупор бога» неизбежно и неумолимо преследует диссидентов, ведь главное зло – извращение слова. Так, биография Ленина дотошно перечисляет, как положительный пример, достижения героя в борьбе с отступниками от марксизма: «легальными марксистами», «экономистами», «меньшевиками», «ликвидаторами» и прочими и прочими. Нацеленность на борьбу влечет за собой жестокость архаического толка, ведь мифологическая победа над злом предполагает наказание. После многочисленных расправ с врагами и казни пяти царей-предводителей их Иисус Навин изрек: «...не бойтесь и не ужасайтесь, будьте тверды и мужественны; ибо так поступит Господь со всеми врагами вашими, с которыми будете воевать»¹³⁵. Не случаен завет Иисуса Навина: «Итак отвергните чужих богов, которые у вас, и обратите сердце свое к Господу Богу Израилеву»¹³⁶. Без преувеличения вся жизнь вождя Сталина была построена по этим архаическим канонам, ведь теория «возрастания классовой борьбы» не научная, а мифологическая. И последнее не нуждается в конкретизации. Беспощадная война с врагами со ссылкой на «установку свыше» – элемент не только универсальный для мифа, но и деталь сходства сказаний о герое в двух лицах.

Другим структурным совпадением следует считать сам акт высшего покровительства, выразившийся конкретно в божественном чудотворстве. Христианский миф полон чудес: по мановению божественной руки расступается вода Иордана; обрушивается от звука труб стена Иерихона; останавливаются на небе солнце и луна. Религиозный бог, опирающийся на веру, может буквально все. Но и политике присуще чудо, так Марксистское Учение «всесильно, потому что оно верно». Бог творит свои чудеса в подтверждение героического «статуса» Моисея и Иисуса Навина. Политические чудотворцы в России аналогично продемонстрировали: Идея может все, если она опирается на миф. Тоталитарная реальность

¹³⁵ *Иисуса Навина*. 10. 25.

¹³⁶ Там же. 24. 23.

была буквальной проекцией идеального мира, а следовательно слово-Учение действовало почти магически.

В данной связи можно отметить и идентичность «биографических» фактов мифических рассказов о героях-продолжателях, имеющих символический смысл. И Иисус Навин и Сталин смолоду были предназначены к положению первого лица в окружении героя. В книге «Исхода» написано: «И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим; и он возвращался в стан; а слугитель его Иисус, сын Навин, юноша, не отлучался от скинии»¹³⁷. Биографии Сталина фиксируют его аналогичное положение при герое-Ленине фразами, ставшими клише: «ученик и соратник», «друг и соратник», «ближайший соратник», «ближайший сподвижник», «достойный преемник», и, конечно же, «великий продолжатель» в итоге¹³⁸. «Среди тех героических ролей, которые, как полагал Сталин, он сыграл в истории русской и мировой революции, первой была роль “лучшего ленинца”», – пишет Р. Такер¹³⁹. Поэтому одной из конкретных задач культа вождей и являлось поддержание версии о том, что Сталин был самым последовательным, приближенным и неотступным помощником патриарха.

Вслед за мотивом «верного помощника» логически следует тема «поставления на геройство». Это публичная рекомендация «сверху»: «В тот день прославил Господь Иисуса пред очами всего Израиля, и стали бояться его, как боялись Моисея во все дни жизни его»¹⁴⁰. Герой, отмеченный как преемственный ставленник Бога, получает наказ быть твердым и мужественным в исполнении законов Моисея, которые последний завещал¹⁰. Как тут не вспомнить знаменитую клятву товарища Сталина, произнесенную 26 января 1924 г. на съезде Советов и цитируемую слово в слово всеми биографиями вождей. Сталин в этой речи, обращенной ко всему обще-

¹³⁷ *Исход*. 33. 11.

¹³⁸ *Великий* вождь и учитель. С. 1, 3, 7, 9.

¹³⁹ *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. С. 422.

¹⁴⁰ *Иисуса Навина*. 4. 14.

¹⁰ Там же. 1. 7.

ству, дал обет выполнить все «заповеди» умершего Ленина. И хотя вождь-продолжатель клялся от имени партии, но однозначно дал понять, что именно он уникальный посредник между наследием вождя-основателя и социумом. Тем самым Сталин совершил акт «самопоставления», опираясь на харизматический авторитет. А далее мы пошли «под знаменем Ленина», «под водительством великого Сталина»¹⁴¹. И «стали бояться его» «во все дни жизни его»...

На склоне лет Иисус Навин вписывает свои слова в книгу закона Божия. Не отстает от него и Иосиф Сталин, развивая марксистско-ленинскую теорию в свою новую эпоху. Но в чем конкретно выражается этот личный вклад? В последнем случае – в продолжении «дела и учения Маркса и Энгельса»¹⁴². А что же нового вписал на скрижали Иисус Навин? «Иисус сказал народу: вы свидетели о себе, что вы избрали себе Господа – служить Ему? Они отвечали: свидетели». Сказанное и зафиксировали¹⁴³. Служение доктрине – вот избранное «подчинение» героя – «рупора бога» вообще. И, продолжая стезю пророка-подвижника с середины, герой-наследник поражает врагов «великим поражением» и доходит до «земли обетованной». В конце пути он наделяет свой народ по справедливости и закрепляет «в граните» то, что установлено его предшественником. Это «полная и окончательная победа», но только в мифе.

Итак, в центре политико-мифологического структурирования рассказа о тоталитарном герое путь-дорога. Почему? Почему именно герой отправляется в путь? Не потому ли, что само общество стоит на распутье? Давно замечено, что сознание в различных своих формах (память, миф, традиция) концентрируется вокруг переломных для социума событий и перемен. Из таких «источников» берет начало традиция, такие моменты в виде «узлов» остаются в общественной памяти, подобные эпохи рождают политические мифы. Как ни представляй себе политический процесс (целиком или частично), циклическим или линейным – все равно «базо-

¹⁴¹ Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни. С. 298.

¹⁴² Великий вождь и учитель. С. 21.

¹⁴³ Иисуса Навина. 24. 22, 26.

вый миф» расположится в самой нижней «начальной» точке. При линейном развитии его ждет прямое восхождение, а когда социум входит в виток, нижнее место в каждом цикле-стадии займет «копия» базового образования. И так далее. Поэтому начальную стадию цикла можно считать своего рода «изначальной эпохой». А это значит, что общество снова отправляется в неизведанное. Вот тогда и появляется миф о «герое-разведчике».

На примере тоталитарных сказаний XX в. немецкий философ Э. Кассирер в «Мифе государства» сделал наблюдение, что миф появляется тогда, когда человек сталкивается с невыполнимой задачей, решение которой превосходит его естественные возможности. Мифология в социальной сфере господствует, если путь социума полон опасностей и конец пути неясен. Политический миф современности, считал Э. Кассирер, есть аналогичное отчаянное средство. В критические моменты социальной действительности (а политика – всегда динамичное равновесие) миф возвращается в реальность как персонификация коллективных желаний. Мифы всегда, образно говоря, таятся во мраке, ожидают своего часа, и в период потрясений ничто не может сдержать этих политических демонов. Э. Кассирер в данном контексте воспользовался определением французского исследователя Африки Е. Дютте. Дютте писал, что миф «есть персонификация коллективных чаяний». Э. Кассирер приложил данную дефиницию к политике следующим образом: «...эта формула Дютте может быть использована как самое лаконичное и яркое определение современной идеи лидерства или диктаторства. Тяга к сильному лидеру возникает тогда, когда коллективное желание достигает небывалой силы и когда, с другой стороны, все надежды на удовлетворение этого желания привычными, нормальными средствами не дают результата. В такие моменты чаяния не только остро переживаются, но и персонифицируются». Когда коллективная надежда воплощается в лидере, она служит основой мистической власти и авторитета лидера, включает ученых¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 59–60.

Таким образом, Э. Кассирер ведет речь о механизме мифологизации сильного лидера, а не о тоталитарном лидере как явленном герое политического мифа. В этиологическом плане любой лидер в переломный момент гипотетически выступает воплощением коллективно желаемого политического чуда. В действительности это так и есть, особенно в России: даже от поверхностной перестройки М.С. Горбачева традиционно ждали радикального скачка в То Царство. Ожидания относились к политике перемен как таковой, но не к лидеру, ее возвестившему и возглавившему. Сам лидер Горбачев не дотянул до уровня мифологического героя-продолжателя. Значит (в который раз) становится очевидным: причинность – не главный фактор как в древнем, так и в современном мифообразовании.

Почему же лидер перемен не стал новым героем политического мифа России? Вспомним, что программа перестройки, по типологии А.Дж. Тойнби, являлась характерной попыткой синтеза архаизма и футуризма. Лидер, предлагающий такой путь развития, не может стать героем по сути вещей, ведь цель мифа – преображение. А на поверхности политического процесса отчетливо обрисовалось: ожидания, связанные с Горбачевым, носили рутинный, а не чрезвычайно-праздничный характер. В обыденной атмосфере не может произойти персонифицированного отождествления со Спасителем. Надежды на развитие, конечно, материализовали некую сакральную среду, но, в силу указанных причин, она не была «привязана» к лидеру и ей не доставало интенсивности. Зато рикошетом часть этой «несвязанной» сакральности досталась оппозиционному тогда лидеру Б.Н. Ельцину. Актуализировалась наша склонность превращать в святых всех «униженных и оскорбленных». В результате сложился частный политический миф о «Борисе – жертве КПСС». Однако более удачливый, чем Горбачев, политик-Ельцин, не став «новым лучшим ленинцем», сыграл кроме этой второстепенной и другую весьма значительную роль в мифе, имеющем изначальную природу, но об этом позже.

Если мы теперь с позиции структурного анализа вернемся к дифференциации политического времени Советской России на

эпохи (мифотворческую и историческую), то сможем их соответственно разграничить. В первом случае безусловно доминировал миф «героической структуры», т.е. миф о Спасителе. Во втором – бытовала (да и сейчас распространена) мифология других структурных форм. Здесь следует провести различие между мифом о герое и мифоподобном имидже политического лидера. Миф о герое есть базовое и естественное мифообразование, а мифоподобный имидж всего лишь искусственная попытка подражания. Миф интенсивен в своем эмоциональном и идеологическом проявлениях. А образ «под героя» менее стоек (за исключением образа «героя убиенного» или «героя таинственного»). И все это в случае удачного мифосложения. Так, любая биографическая штамповка о Ленине и Сталине периода их культа была заведомо общезначимым мифическим сказанием в России, а брошюра «Манифест коммунистической партии» положила начало бесчисленным копиям рассказа о пролетариате-мессии, разошедшимся по всему свету. Напротив, «судьбоносный» манифест М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» инициировал лишь научный миф об альтернативе в отечественном общественном сознании.

Делая акцент на базовости мифа о герое, мы, на первый взгляд, вступаем в противоречие с авторитетом Э. Кассирера, подчеркивавшим не просто техническую искусственность, но даже плановость тоталитарного мифотворчества. Да, этиологически тоталитарный политический миф России отвечает данной характеристике, и в особенности ей отвечают выбранные нами тексты, заведомо рассчитанные на массовое воздействие. Однако, по сути явления, одно другому не мешает. Было бы наивно продолжать высказывание ученого в том смысле, что в официальных документах выбираются на «поверхность» сознания архетипические символические штампы лишь самого Сталина (или его ближайшего окружения), затем формируя сверху политические представления народа. В этом отношении ни лидера, ни властную элиту, ни весь народ в целом разделять научно некорректно, так как сущность данных структур сознания универсальная во всех измерениях. Вот почему в современном поли-

тическом сказании мы встречаем полный набор символических элементов древнейшего повествования о герое: общезначимую цель, опасную путь-дорогу, спутников-помощников, воплощенное зло, трудную победу и, наконец, завершение странствия в Земном Раю. Поэтому в любой искусственной форме миф о тоталитарных вождях России есть естественный рассказ об изначальных вещах: о создании нового общества, о роли вождей его как демиургов, о битвах с несметными полчищами врагов, о подвиге героя-Спасителя и о «взаправдашной» стране Справедливости.

Итак, подвиг Спасителя в тоталитарном мифе России имел, в частности, значение покорения неизведанного. Герой – это пионер в новой стране, а значит, он автоматически выступал и отцом-основателем социалистического общества. В биографиях данный мотив не слишком-то прорисован: Ленин называется основателем большевизма и государства, а применительно к Сталину отмечается его ведущая роль в социалистической коллективизации и индустриализации¹⁴⁵. Здесь нам поможет наблюдение Р. Такера. Согласно ему, прорисовывается уже трафаретный тандем, конструирующий героя-основателя в тех же знакомых двух лицах: Ленин – вождь Октябрьского социалистического переворота, а Сталин – «строитель социализма» как продолжения этой Революции¹⁴⁶. Следовательно, тоталитарный герой хотя и основатель, несомненно, но более – революционер, т.е. доминирует миссия преобразовательная. Неудивительно поэтому невнятность биографических формулировок статуса тоталитарного героя как отца-основателя. Однако в принципе такая героическая роль – неотъемлемый атрибут образа не только мифогероя, но и политического лидера, возглавляющего новое государственное образование. Как раз в данной связи можно рассматривать феномен Б.Н. Ельцина как первого президента России. Если Ельцин не явился очередным русским спасителем, то стал олицетворением значимого сакрального статуса другой мифоструктуры.

¹⁴⁵ Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни; Великий вождь и учитель.

¹⁴⁶ Такер Р. Сталин: Путь к власти. С. 438–439.

Б.Н. Ельцин как новый лидер новой России воплотил в себе извечное нуминозное начало, служившее основанием и древнему культу героев. Именно персонификация данного изначального качества вдруг подняла его обиходную политическую популярность до высот мифологического авторитета. Одномоментный архетипический «выброс» и обеспечил Ельцину первую победу на президентских выборах. Но даже на самом гребне массовой волны Б.Н. Ельцин не стал последним официальным «Лениным сегодня», будто бы сменив на этой мифодолжности М.С. Горбачева, как порой оценивают результаты тогдашних перемен в политическом руководстве страны некоторые писатели партийно-публицистического толка. На выборах главы нового «политического тела» победил не «архетип вождя», а архетип Истории. Одержала победу Россия, т.е. самопроизвольно воскрес политический миф о нации.

Для структурного сопоставления воспользуемся превосходным анализом мифа о нации, предпринятым немецким философом К. Хюбнером в его книге «Истина мифа». Согласно Хюбнеру, произошло следующее: взаимосвязанная система нации и политического пространства отреагировала на изменение последнего. Сужение политического ареала привело, если адаптировать тезис к нашему материалу, к актуализации символики «Россия – российский – русский». Символизм такого рода не может быть чистой пропагандой (как кажется апологетам СССР). В данной связи, думается, не было и вспышки национализма, что существенно противостоит феномену мифологического. Естественным образом повсеместно обострилось и синхронизировалось некое «чувство России», не поддающееся идеологическому выражению. Все разом и вдруг вспомнили досоветскую эмблематическую государственность, а вокруг отдельных референциальных символов разгорелись неизбежные в данном случае партийные страсти¹⁴⁷.

Воскрешенное прошлое принялось по-новому формировать нашу политическую современность. Причем мы стали свидетелями про-

¹⁴⁷ См.: Сепир Э. Символизм // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 205.

явления всех признаков, характерных для мифологического понимания нации. К. Хюбнер выделяет всего три такие черты. Явление первой обычно знаменуется всеобщим призывом жить в духе «исторического наследия». В России дело не ограничилось формальным (и уже традиционным) интересом к переименованиям и ресимволизации. В постперестроечный период национальное прошлое обрело ценностную значимость в принципе, а Россия Советская ушла в прошлое.

Вторая жизнь исследуемой политической абстракции обозначилась субстанционально, что соответствует другой черте, отмеченной К. Хюбнером. Государственная российская атрибутика стала конкретным воплощением ценностного начала. И вот в образовавшемся идеально-материальном сплаве, в, так сказать, «телесном» воскрешении национального в политике, неизбежно возник и олицетворяющий символ – персона первого президента РФ, т.е. российского лидера.

Все это было бы невозможно без наличия последнего признака: актуализации нуминозного опыта. К. Хюбнер писал: «Именно в нуминозном опыте явление мира смерти оказывает воздействие на жизнь, и таким образом его смертные качества превращаются в нечто вневременное». Человек, а не бог трансцендентизируется. Все человеческое превращается в надысторическое. Эта эмоциональная приподнятость придает политическому событию или факту качества прототипические, которые понимаются и ощущаются как судьба. Изначальное свойство нуминозности и ложится в основание «культы героя»¹⁴⁸.

Таким образом, современный лидер в момент возрождения мифа о нации автоматически занимает место на пьедестале архетипа Истории. Кто лично даст свое имя трансцендентированному символу – вопрос политического везения. В конце 80 – начале 90-х гг. мы наблюдали заметную мифологизацию пространства русской нации (и попыток воскрешения «русского» как «христианского»), поэтому национальный лидер стал нашим символическим «героем на час».

¹⁴⁸ Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 326–327.

К. Хюбнер (на основе анализа целого массива греческой мифологии и современного ему мифического) смог обоснованно выделить принципиально мифологическую природу восприятия нации: «Целое и часть здесь вновь типично мифическим способом совпадают, потому что целостность нации тождественно присутствует в каждой из своих частей; точно так же совпадают всеобщее и отдельное, поскольку нация, с одной стороны, существует во всех, а с другой – субстанционально тождественное начало может существовать в каждой отдельной личности как нечто персональное, то есть отдельное». Указанное свойство мифологизации национального способом отождествления абстрактного целого с индивидуально-субстанциональным приводит к тому, что любой человек способен в принципе выступить персонификатором нации (по такому же принципу создаются обозначения наций как «иванов», «фрицев» и т.п.).

Неудивительно, что в авторитарной политической культуре, когда «помазанный на царство» вообще символизирует политическую власть, он же в различные эпохи олицетворяет и целый народ: «Первый сокол – Ленин, / Второй сокол – Сталин, / А кругом летали / Соколята стайей». Онтологически, возвращаясь к К. Хюбнеру, такое представление сродни архаическому пониманию принадлежности к роду или племени. В политическом мифе, таким образом, исчезают четкие отличия материального и идеального, внутреннего и внешнего¹⁴⁹. Материальные предметы (культовые строения, памятные места, документы и т.п.) становятся частью внутренней сущности новой политической реальности. Современный индивид и Россия (Родина) сливаются в единое целое. Но такого рода абстракции не осознаются и слишком сложны для трансформации в коллективные представления. На подобный случай подсознание и хранит символ, который структурно проще и легче материализуется. Далее овеществление символики идет за счет персонификации. Таким символом политико-национального единства в 1991 г. (в котором человек идентифицировал себя как

¹⁴⁹ Хюбнер К. Истина мифа. С. 328.

россиянина) был Президент (как «первое лицо»). А президентом стал Борис Ельцин, ситуативно заняв вакантное место «героя истории», понимаемой архетипически.

Итак, мифа о современном спасителе с Ельциным в главной роли нет. Мы установили, что в актуализированном мифе о нации он занял символическое место впереди «иванов». Адекватен ли данный национальный символ роли мифического героя в принципе? На примере «классического» тоталитарного мифа о герое мы установили, что важнейшим атрибутом его является героическая стезя, прохождение которой символизирует путь спасения и возрождения социума. Представляется, что Б.Н. Ельцин (вольно или невольно), но не стал публично выступать в одеждах «героя-странника». Здесь возможно такое сравнение, если воспользоваться для перефразирования примером из «Мифологий» Р. Барта¹⁵⁰.

Представим, что политический миф присутствует в реальности в виде текста или изображения (плаката). В таком случае официальный текст мифа о «национальном герое» Ельцине не был написан, но появился “плакат”, где президент Ельцин выглядел как отец-основатель новой России. То есть миф оказался свернутым структурно и формально до «эмоциональной картинки». Но, в отличие от бартовского изображения африканца, наш воображаемый плакат передает смысл непосредственно. Однако здесь «похищен» не язык, а плакат, так как он гипотетичен. И, если так можно выразиться, само его отсутствие говорит о возрождении подлинного мифа в политике постперестроечной России. Это даже не распевание хвалебных од, сколько всплеск изначального чувства коллективистской необходимости заполнить хотя бы подделками разо-

¹⁵⁰ *Барт Р.* Мифологии. М., 1996. (Имеется в виду раздел данной книги «Миф сегодня». В нем приводится в пример «мифическая» трактовка изображенного на обложке журнала африканца во французской военной форме: аналитик-автор расшифровывает увиденное как символический образ «счастливого служения великой империи». Барт считал политическим мифом смысловые «надстройки» такого рода и квалифицировал их как вторичную семиотическую систему. Поэтому миф для Барта был «похищенным языком». К. Хюбнер, критикуя его, заметил, что Барт один из тех, кто отождествляет миф и идеологию, а под мифом понимает ложные структуры сознания).

ренный временем героический пантеон. Не будучи носителем наследственной официальной харизмы, Б.Н. Ельцин по должности оказался «дублером» национального лидера, восстановившего эмоциональную связь с прошлым. Таким образом, он как символический глава нации был близок к мифическому герою, воскрешающему справедливую иерархию ценностей. В этом и выразился кратковременный «лидерский акт» первого президента России.

Таким образом, миф «с участием Ельцина» все же существовал, но постольку, поскольку возродился миф о нации. За мифологическим подъемом быстро последовал спад и обнаружилась искусственность образа президента (имидж «грозящего Бориса»). Однако нельзя сбрасывать со счетов и факт живучести Б.Н. Ельцина как первого лица России. (Конечно, речь не идет об удачной экстраполяции мифоподобного имиджа как актуализации почвенного архетипа «грозного, но справедливого царя»). Проблема адекватности президентского образа как такового не является задачей нашей работы, но небезынтересно подчеркнуть, в данной связи, момент принципиального воздействия мифа формализованного. Этот псевдомиф (т.е. рассказ структурно подобный мифу, но введенный искусственно), по мнению К. Хюбнера, способен заместить уже не переживаемый миф подлинный¹⁵¹. После того, как «героическое лидерство» Ельцина осталось в далеком прошлом, миф о нации все еще не был изжит, хотя и заметно рутинизировался. Думается, данное обстоятельство в качестве объективного политико-культурного фона и способствовало одномоментному «возрождению из пепла» имиджа президента, повторно «не проигравшего» вместе с «голосующей» Россией.

Но отчего миф о нации так значим для нас? Его явление в современной России, как мы уже говорили, было спонтанным и естественным, что свидетельствует о подлинности мифологической природы. Сами термины «подлинный» и «неподлинный» миф используются согласно принятой в науке классификации К. Керени и М. Элиаде. Сошлемся еще раз на К. Хюбнера, чей вывод

¹⁵¹ Хюбнер К. Истина мифа. С. 337.

представляется убедительным: миф о нации в политике XX в. «по-прежнему должен считаться подлинным мифом». Но следует учитывать, что подлинные мифы парадоксальным образом могут проявиться в псевдомифах¹⁵². Вот почему на поверхности политического зеркала вместо ожидаемого образа мифологизируемой Родины может иногда возникнуть замещающий ее олицетворенный символ псевдогероического «национального президента». И хотя со временем символическая метафора все более грозит потерей субстанциональности «ролевого» воплощения, однажды актуализировавшееся чувство нуминозного исторического опыта не вдруг обрывает установившуюся связь политических времен. Да и сам пропагандист псевдомифов Ж. Сорель, фактически отождествлявший политический миф с политической идеологией правящей власти (т.е. не отличавший естественно возникший миф от искусственного), замечал: в мифотворчестве реальность несущественна. Политический миф вообще довольно консервативен и, раз появившись, не спешит уйти. Поэтому президент России как абстрактный символ уже вошел в подлинную политическую мифологию эпохи перемен. В дальнейшем (при отсутствии общественной идеологии, опирающейся на базовый миф) символическая фигура какого бы то ни было президента России, даже не устраивающая общественное мнение, все же останется единственной традиционной связью с конститутивными формами политического мышления. Таким образом, во времена постисторические любой президент России обречен быть ее лидером.

Сегодня очевидно, что политике России недостает «русской мечты», но пока видится лишь один путь мифического возрождения – символическое замещение. То есть традиционным способом отыскание нового героя, который позовет в другое будущее из воскресшего старого прошлого. Функция передачи подобной символики, продвигающей общество вперед¹⁵³, есть основная для политического мифа вообще. А сохранение символического универ-

¹⁵² Хьюбнер К. Истина мифа. С. 338, 341.

¹⁵³ Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лицами. С. 17.

сума в целом равнозначно удержанию самого социума (К.Г. Юнг). Значит современная расколота политическая мифология намного хуже цельной тоталитарной героики справляется со своими «обязанностями». Но тем не менее в постисторическое время не так все и плохо, ведь нельзя сбрасывать со счетов «природный» миф о нации. Если же теперь оставить сравнение нашего прошедшего и настоящего и сопоставить Россию с иными национально-политическими образованиями (современное государство ведь все еще национальное), мы неожиданно обнаружим черты отчетливого мифополитического сходства. Это говорит о том, что формально «отсталая» политическая Россия живет со всеми в одном временном измерении, когда о «настоящих» политических героях рассказывают и пересказывают старые истории.

ДВЕ ПОБЕДЫ

Рассмотренная нами в предыдущих главах мифологема героя («история героя» или «путь героя») принадлежит к мономифу. Еще в прошлом веке мифологи заметили, что «карта» героического странствия обладает качеством универсальности. Если путешествие героя мифа расчленить на отдельные сюжеты, то обнаруживается идентичность воспроизведения данных элементов в самых различных мировых культурах. Специальное же обращение к структуре политического мифа тоталитарной России позволяет констатировать: основу его составляет тот же самый мономиф.

В большинстве исследований героического мифа обнаруживается довольно схожая общая схема путешествия. Но можно отметить и различия в интерпретации этапов героической борьбы с силами зла. И это разногласие касается вопроса победы. Ученые расходятся во мнении о том, сколько побед одержал герой. На первый взгляд, это вопрос частного порядка (ведь все согласны, что имеется единый мифологический комплекс). Так, одни, акцентировав сам момент триумфа, не дифференцируют промежуточные героические достижения, и получается, что победа в сущности была одна-единственная. А другие выделяют две решающие победы, а значит, и вычленяют соответственно два путешествия мифогероя. В целом перед нами вопрос не просто формы, а проблема онтологии мифа, выраженная посредством структуры рассказа. Миф о герое в этом смысле представлен в двух моделях. Первая есть цельное повествование о победе над злом, а во второй путь героя пересекается на этапы победы начальной и победы окончательной. Однако, как мы убедились, удвоение рассказа само по себе выступило фактором структурообразующим в мифе о тоталитарном герое России. Единый в двух лицах герой переживает и два приключения, а значит он должен одержать и две победы, причем обе принципиальные и ключевые. Но по сути миф о герое есть просто

победа над силами зла. Тем самым политический миф тоталитарной России обнаруживает адекватность архаическому мифу сразу во всех его проявлениях. А на идеологической поверхности усложнение мифа позволяло вождю продолжать историю о самом себе.

Различное прочтение схемы путешествия героя в То Царство опирается на две концепции героического мифа. Первая имеет своим источником юнговское представление о герое как архетипе с особой структурой. Иными словами, перед нами явленный героический паттерн, опрокинутый из бессознательного в социум. И даже в лишенной ритуалов современности возможен прорыв архетипа, поскольку миф отражает бессознательный опыт самого обычного человека, а обыкновенные люди имеют склонность интегрировать в массу. Концептуальное ядро данной точки зрения состоит в том, что герой сам по себе не представляет ничего экстраординарного, он лишь тот, кто услышал зов общественной потребности. То есть миф о герое-спасителе, как мы, согласившись с Юнгом, установили, выполнял функцию необходимого социального возрождения. В политической реальности (которую обслуживает политический миф) выбор лидера-отца делают обстоятельства, когда перемены становятся неизбежными.

Сегодня точка зрения Юнга и его блестящих последователей (например, Д. Кэмпбелла) некоторым западным мифологам представляется поверхностным психологизмом, протацившим в современное сознание древних богов. Здесь имеется в виду Клаудио Наранхо и его книга «Песни просвещения. Эволюция сказания о герое в западной поэзии». В ней автор посягнул на «анагогический» (а именно внутренний и глубоко скрытый) смысл мифов о герое. В трудный путь, согласно Наранхо, отправляется некий герой-соискатель, и рассказ повествует «не о переживаниях детства и не об анонимной по своей природе жизни коллективного бессознательного». Потаенный смысл мономифа, по Наранхо, состоит в том, что «стадии “внешнего” путешествия героя четко соответствуют стадиям “внутреннего” путешествия индивида в процессе психодуховной эволюции». В конце концов «в этой истории скрыто учение о последовательном достижении личностью совершен-

ной зрелости по мере прохождения ею мистического пути и что саму эту историю можно рассматривать в качестве своего рода карты, на которой обозначены высшие этапы раскрытия человеческого начала». Так интерпретируемое просветление героя превращает его из коллективистской банальности в «большую редкость» и личность необычайную.

По мнению автора, описание «внутреннего» путешествия предпринималось с целью научения, поскольку оно отражает стереотипное поведения реальных героев, совершающих духовный подвиг¹⁵⁴. Итак, Наранхо по-своему расшифровал символику мономифа. В противовес социально-психологическому подходу приключение героя квалифицируется им как «метафора личной метаморфозы», «путешествие души» и «история обретения мудрости»¹⁵⁵. Таким образом, герой предстает перед нами не как проекция коллективных чаяний и олицетворение общества-божества, а как исключительный индивид. История же его подвигов есть рассказ о личном духовном опыте, который имеет универсально-поучительно-значимое значение и в этом полезном для всех качестве и фиксируется мифом. В виде исследовательского резюме предлагается авторское определение мифов, «которые могут быть поняты как древнейшие назидательные истории, пережившие первоначально породившую их поучительную ситуацию, а также живая мудрость, запечатленная в той или иной духовной традиции»¹⁵⁶.

Вот эта поучительная история о герое, по мнению Наранхо, и распадается на две стадии постижения мудрости. Структурная ось была им трансформирована из многочисленных сходств в судьбах героев, отмеченных исследователями мифов и волшебных сказок. Первым источником послужила сводная схема Ранка – Рэглана. Значение сдвоенной схемы состоит в описании полной истории героя, включающей и воцарение его и утрату власти. Сути ранков-

¹⁵⁴ Наранхо К. Песни просвещения. Эволюция сказания о герое в западной поэзии. СПб., 1997. С. 21–22.

¹⁵⁵ Там же. С. 9–11.

¹⁵⁶ Там же. С. 23.

ской концепции (построенной на детских переживаниях) мы уже касались. Рэглан, в основном повторив его выводы, продолжил историю следующим образом: после недолгого счастливого царствования герой утрачивает расположение богов или подданных; затем он лишается престола и его подвергают изгнанию; в конце герой загадочно умирает в одиночестве и не погребается; но после смерти место его гибели почитается. В совместной модели Наранхо подчеркивает доминирующее обстоятельство: «Последовательность, которую мы получаем в результате сведения вместе наблюдений Ранка и Рэглана, – это последовательность повествования о том, как герой – после временной победы – терпит поражение и умирает, однако в конечном счете обретает божественное или почти божественное достоинство, так что память о нем и влияние на последующие поколения продолжают жить»¹⁵⁷.

Вторым источником для конструирования схемы двух побед послужили составные части волшебных сказок, выделенные В. Проппом. Наранхо, просто приведя перечень этих «функций», заключает, что «нарративная модель (pattern), выявленная Проппом путем абстракции, подразумевает не одну, но две победы в жизни героя: одну – временную, а другую – окончательную, следующую за поражением, предательством и величайшими испытаниями»¹⁵⁸. Для подобного извлечения у Наранхо есть все основания, но обратимся непосредственно к тексту «Морфологии сказки». «Функция», по Проппу, основной элемент структуры волшебной истории. «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия». Например, брак героя с царевной в конце сказки совсем иное, чем женитьба отца на вдове в начале повествования. Эти функции есть постоянные и устойчивые элементы сюжета (так их последовательность всегда одинакова), а число ограничено¹⁵⁹. Всего Пропп насчитывает 31 функцию, и Наранхо в подстрочнике

¹⁵⁷ Наранхо К. Песни просвещения. С. 14.

¹⁵⁸ Там же. С. 15.

¹⁵⁹ Пропп В. Морфология сказки. СПб., 1928. Репринт. С. 30–31.

воспроизводит их авторские наименования. Однако позволим себе обратить внимание на те сюжеты пути героя, которые, по нашему мнению, легли в основу концепции двух побед.

Пропустим элементы завязки истории (предысторию). И обратимся к собственно путешествию, т.е. моменту сказки, когда «герой покидает дом» (XI функция). В начале пути «герой испытывается, выпрашивается, подвергается нападению и пр., чем готовится к получению им волшебного средства или помощника» (XII); далее «в распоряжение героя попадает волшебное средство» (XIV). А как только он оказывается в расположении предмета поиска, «герой и вредитель вступают в непосредственную борьбу» (XVI). Интересен, на наш взгляд, момент, когда «героя метят» (XVII), ведь отметина отличает подлинного героя от самозванца. И вот «вредитель побеждается» (XVIII) и «начальная беда» ликвидируется (XIX). «Этой функцией, – пишет Пропп, – рассказ достигает своей вершины». И «герой возвращается» (XX). История близится к благополучному концу, и хотя «герой подвергается преследованию» (XXI), он все же «спасается от преследования» (XXII).

И вот в момент возвращения, по Проппу, возможно продолжение сказки. Исследователь отмечает, что «многие сказки состоят из двух рядов функций, которые можно назвать ходами. Новое вредительство создает новый ход, и таким образом иногда соединяется в один рассказ целый ряд сказок». Автор перечисляет элементы данного «хода»: «братья похищают добычу Ивана» (VIII); «герой вновь отправляется в поиски» (X–XI); «герой вновь подвергается действиям, ведущим к получению им волшебного средства» (XI); «герой вновь реагирует на действия будущего дарителя» (XII); «в распоряжение героя попадает новое волшебное средство» (XIV); «герой доставляется или привозится к месту нахождения предмета поисков» (XV). При подобном развитии сюжета «сказка дает новые функции». Весьма примечательны, по нашему мнению, следующие из них: «герой неузнанным прибывает домой» (XXIII) и «ложный герой предъявляет необоснованные притязания» (XXIV). Затем следует мотив трудной задачи (излюбленного элемента сказки) и ее решения. В результате «героя узнают»

по отметке (XXVII), а «ложный герой или вредитель изобличается» (XXVIII). В финале истории «герою дается новый облик (трансфигурация)» (XXIX), «вредитель наказывается» (XXX) и наш «герой вступает в брак и воцаряется» (XXXI)¹⁶⁰. Столь подробное цитирование материала потребовалось для прояснения концептуализации структуры. Ясно, что для Проппа сказка может продолжаться с помощью приема дополнительного «хода», т.е. повторения функций первой части истории. А затем появляются новые структурные элементы: линия «ложного героя» и тема предательства братьев как следствия «нового вредительства». Герой одновременно борется с вредителями и решает трудную задачу. И именно благодаря второй победе над злом совершается его трансфигурация. Обновленный герой вступает в брак и воцаряется. Немного забегаая вперед, хочется подчеркнуть: политический миф о тоталитарном герое проделал ту же операцию, что и волшебная сказка, введя ход, так сказать, «возрастания вредительства». Таким образом, история о вожде получилась из двух рассказов, каждый со своей победой: ленинской и сталинской.

Но подробное обращение к «Морфологии сказки» позволит нам вычлениить и степень ее влияния на концепцию Наранхо, к изложению которой мы теперь возвращаемся. Сам Наранхо пишет о значении для него схемы двух побед следующее: «Я полагаю, что присутствующее в пропповской модели различие начальной и окончательной победы героя находит себе соответствие в легендах, складывающихся вокруг исторических героев, поскольку применительно к этим легендам можно говорить о земной победе героя, с одной стороны, и прославлении на небесах, с другой – прославлении, совершающемся после того, как его земная жизнь заканчивается могилой (при этом внешне его смерть может казаться неудачей, как в евангельском рассказе о воскресении)»¹⁶¹. Итак, из материала первоисточников Наранхо выводит в качестве основы своей концепции логическую последовательность: одной зем-

¹⁶⁰ *Пропп В.* Морфология сказки. См.: III «Функции действующих лиц». С. 35–73.

¹⁶¹ *Наранхо К.* Песни просвещения. С. 16.

ной победы героя недостаточно, лишь предприняв повторное путешествие, он добивается окончательного бессмертия (апофеоз), и второе путешествие отделено от первого внешней гранью неудачи (Пропп–Рэглан).

Общепринято считать, что празднование героем своего триумфа включает обязательный компонент – свадебное торжество. Аналитическая психология расшифровывает данный устойчивый элемент мифа как соединение двух начал пред тем, как герой превращается в совершенное (андрогинное по характеру образа) бессмертное существо. Наранхо, отвергая психоаналитическую трактовку, раскрывает онтологию мифической свадьбы с позиции «мистической теологии» и напрямую связывает брачную метафору со сдвоенной структурой героического пути: «Если “женитьбу на принцессе” воспринимать как фольклорный эквивалент священного брака (*hieros-gamos*), священного внутреннего бракосочетания души с божественным началом, что является квинтэссенцией приобретаемого в процессе мистического поиска, то можно констатировать, что полному и окончательному соединению совершающего внутреннее путешествие с предметом своей любви предшествует обычно в таких историях кратковременное счастье и что между двумя этими событиями и разворачивается второе приключение – путешествие в царство мрака и смерти»¹⁶².

Таким образом, по Наранхо, второе путешествие как провал в Подземное Царство пролегает между двумя пиками: коротким счастьем и прочным браком. При этом вскоре после первого возвращения герой становится жертвой коварства и едва не погибает. «Так в нашей истории появляется тема предательства со стороны завистников и хорошо известный в фольклоре мотив ложного героя»¹⁶³.

Прежде чем завершить изложение концепции Наранхо, стоит отвлечься на вторую составную часть брачной пары – принцессу. Здесь снова обратимся к авторитету В.Я. Проппа. В «Историче-

¹⁶² Наранхо К. Песни просвещения. С. 27.

¹⁶³ Там же. С. 29.

ских корнях волшебной сказки» он предупреждает: весьма ошибочно представлять сказочную царевну исключительно как «душу – красную девицу». С одной стороны, она верная невеста и лояльна жениху. «С другой стороны, она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до ее обладания, – это укротить ее». По ходу действия герой заполучает невесту разными способами, что и определяет два «вида» царевны. В первом случае красавица освобождается героем от змея и он ее спаситель. «Это – тип кроткой невесты. Другая взята насильно». Во втором случае она добывается хитростью, невеста здесь – приз за разгаданные загадки. То, каким образом царевна превратилась в суженую, задает, по мнению Проппа, не только отношение невесты к жениху, но и к отцу. И он заключает: «Царевна не может быть изучена без ее отца, момент брака не может быть изучен вне момента воцарения героя»¹⁶⁴. Таким образом, прежде чем воцариться, герой побеждает зло во многих ипостасях, и одна из них – его будущая «половина».

В контексте же воззрений Наранхо символическое значение и структурная роль принцессы выглядят по-другому: «Хотя принцесса в этой истории одна (и есть не что иное, как наша драгоценная сущность), соединение с ней нашего героя происходит через две фазы, между которыми пролегает полоса безысходного отчаяния». Для автора важны не сам путь героя и его возвращение. Предметной областью «историй» он считает «два, следующие в определенном порядке приключения». Фактически проблема онтологии назидания сводится не столько к смыслу постигаемого, сколько к процессу структурному. Существеннее прочего для Наранхо деление на два этапа, разворачивающиеся в строгой последовательности. В первое приключение отправляется юноша. Он знакомится с принцессой и ухитряется вынести из зачарованного замка не только живую воду, но и магические средства (меч и хлеб). «Затем следует второе приключение, начинающееся с пре-

¹⁶⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 298.

дательства братьев и включающее в себя близкую встречу со смертью (что символически может быть истолковано как прохождение через смерть), – приключение, которое завершается осуществлением того, на что первая встреча с принцессой лишь намекала (в качестве кратковременного переживания красоты и полноты жизни), то есть необходимого внутреннего объединения (internal unification)».

И резюме: «существуют две последовательные стадии в жизни человека, отправившегося в духовный поиск». Ключевые значения первой стадии таковы: оставление героем знакомого мира и поиск неведомого; его тяжелые испытания и победы, предшествующие «духовному обретению». Победив чудовище и освободив принцессу, «герой поиска» «взобрался, фигурально выражаясь, на вершину горы и водрузил там свой победный стяг». Но возвращение героя не окончательное, так как вернуться само по себе дело не простое. Герой на обратном пути должен пройти «через не менее серьезное приключение, уготованное для героев, суть которого состоит в том, чтобы перебросить мост между волшебным миром (в котором разворачивается первое приключение героя) и обычным, в который он должен вернуться в качестве носителя опыта, вдохновения и руководства». Возвращение не сводится, по Наранхо, «к короткой заключительной части истории» (здесь он очевидно не соглашается с Д. Кэмпбеллом). «Напротив, – делает вывод автор, – после того как дракон уничтожен и принцесса освобождена, начинается долгое и утомительное путешествие домой»¹⁶⁵. Второе приключение героя (это долгое и трудное возвращение домой), как нам представляется, метафорически отражает смысл исканий любого преобразователя у власти. Революционер сталкивается с аналогичной проблемой: непросто построить новое общество по законам волшебства. И именно политический миф подает героя в роли медиатора между двумя мирами.

Здесь следует предварительно отметить, что поучительные истории, явно обнаружившие структурное сходство с тоталитарным

¹⁶⁵ Наранхо К. Песни просвещения. С. 30–31.

мифом о герое, являются и продолжением отечественной духовной традиции. Обычно, когда мы говорим о герое – спасителе России, то представляем себе политический мифорасказ частью христианской традиции, генетически связанной с архаикой через Древний Восток (миф об умирающем и воскресающем боге: Осирис-Христос). Наранхо же свою карту героических странствий открыл в духовной культуре ислама, подчеркивая суфийское происхождение сказаний. «На языке суфизма духовные стадии в жизни мифического героя, соответствующие его первой победе и следующей, как правило, за ней “полосе испытаний”, получили соответственно наименования “расширения” и “сжатия”. Причем не раз отмечалось, что хотя расширение символизирует собой блаженство, оно уступает по величине блаженству, к которому в конечном счете приводит сжатие». То есть стадия «сжатия» – стадия преследований героя. Здесь он страдает и теряет то, что приобрел, а враг временно торжествует. Герой даже расстается с надеждой, но в финале истории снова находит принцессу¹⁶⁶.

Таким образом, в концепции Наранхо большое место уделяется «темной ночи души», когда герой низвергается «от ощущения близости Бога – к помрачению божественного». Этот скорбный период в сказании о герое автор делит, в свою очередь, на две внутренние стадии: состояние «ада» и пребывание в «чистилище». Сперва с прекращением озарения боль от крушения надежды нестерпима. Затем возобновляется движение вперед, «даже если это путь в ночь», т.е. «незримо подготавливается второе рождение». Автор делает концептуальный вывод: «Это возвращение внутреннего Христа, после времени агонии и погружения в ад... мы имеем дело не столько с состоянием сознания, сколько с поступательным процессом развития – развития, которое теперь продолжается в атмосфере утраты, но с Богом и даже – в Боге». Вслед за суфистами Наранхо называет эту часть путешествия «зрелые стадии пути»¹⁶⁷. Таким образом, теперь уже зрелый герой, потер-

¹⁶⁶ Наранхо К. Песни просвещения. С. 36–37.

¹⁶⁷ Там же. С. 52–53.

пев поражение от врага, испытав адские муки, потеряв, так сказать, «внешнего бога», и обнаруживший в себе злобные страсти вместо искомой святости, все же медленно возрождается к новой жизни, воскресив «внутреннего бога», т.е. достигает духовного совершенства. Именно в такого рода обретении бессмертия, по Наранхо, и состоит мифологическое значение возвращения героя домой: «движение вниз и вниз, – и так до тех пор, пока не откроется наивысшее; ибо только пройдя через Бездонную Долину... искатель достигает Долины Гимнов»¹⁶⁸. По авторским артикуляциям, мы можем констатировать опору концепции на архаическую культурную парадигму. Сегодня этнологи и мифологи согласны, что легенды, повествующие о путешествиях в царство мертвых, и ритуальное поведение, призванное утвердить обновленный социум, онтологически связаны друг с другом.

Примечательно, что Наранхо в качестве основного урока мудрости в достижении бессмертия историческими героями также выделяет весьма протяженное «внутреннее» путешествие в загробное царство. Отмечая общее структурное сходство с архаическим мифом вообще и в понимании его Наранхо в частности, мы сразу должны заметить, что сказание о тоталитарных вождях России содержательно более оптимистично, напоминая этим конкретный христианский миф о воскресении. В подтверждение последнего заявления можно привести оценку того же Наранхо: «Рассказ о Христе, как и рассказ об Осирисе, прежде чем он подводит нас к воскресению, проходит через свою высшую и низшую фазы: сначала – это годы учения, борьба в пустыне со злым духом, крещение и проповедь, а затем – страсти, смерть и нисхождение в ад. И если в рассказе об Осирисе... акцент делается, в основном, на его печальном странствии, то в христианском рассказе отчет о страстях уравнивается повествованием о первоначальном успехе проповеди Иисуса среди народа»¹⁶⁹. Так по сути архаический миф

¹⁶⁸ Наранхо К. Песни просвещения. С. 55.

¹⁶⁹ Там же. С. 50.

о тоталитарном герое, воспроизводя две фазы духовного поиска, делает это одновременно в пределах традиции христианской.

Сущностным моментом повествования о герое, независимо от духовной традиции, выступает процесс инициации. Уже Фрэнгер в «Золотой ветви» поставил этот вопрос. Позднее Пропп рассмотрел сказочную «временную смерть» как остаток обряда посвящения и оценил ее значение: «Факт тот, что этому умиранию и воскресению приписывали приобретение магических свойств». И в дополнение: «Магические способности героя зависели от приобретения им помощника»¹⁷⁰. Итак, в результате инициации герой обзаводился магическими качествами и обязан ими он был «волшебному дару». То есть обряд инициации есть необходимая среда для появления необыкновенных качеств у героя, а волшебный помощник – средство для чудесной перемены.

Применительно к двум приключениям героя можно, как считает Наранхо, говорить и о двух инициациях. В христианской символике – это Вифлеем и Голгофа. «Если перевести сказанное на язык христианских понятий, то первая из них соотносится с первым крещением – водой (что знаменует рождение для духовной жизни – рождение Христа внутреннего в яслях сердца), а другая – со вторым крещением – Духом, или огнем, для которого христианская традиция сохраняет название воскресения». На языке мистической теологии «духовную вспышку первого рождения» называют «путь озарения». Это «духовный медовый месяц», «отрадная пора, время благословений, милости и мудрости; время предвидений, духовных даров – и необычного возбуждения». Герой переживает близость божества, прежде чем он вступит на «путь очищения». Вторая инициация уже «время сознательных, целенаправленных усилий, время священной войны против своего низшего Я. Но это и время духовного рождения в собственном смысле слова – в отличие от времени духовного оплодотворения или зачатия»¹⁷¹.

¹⁷⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 93, 106.

¹⁷¹ Наранхо К. Песни просвещения. С. 50–51.

Таким образом, в пределах христианской духовной традиции мы имеем дело с двумя «внешними» инициациями, адаптированными мифом о тоталитарном герое России. Первое, т.е. «крещение водой», есть рождение героя – проповедника новой жизни и восхождение его на Гору Синай. Второе – «огневое крещение», начинаясь с жертвы героя-спасителя и продолжаясь как серия вынужденных сражений с врагами, заканчивается «полным и окончательным» возрождением героя при возведении им здания мира, спасающегося правой верой.

В завершение изложения концепции двух побед надо отметить и представление Наранхо о герое-святом, т.е. герое в конце пути, герое, вернувшемся домой. «Внутреннее» путешествие, как считает он, отнюдь не путешествие, совершаемое в воображении, не иллюзия странствия: «оно представляет собой процесс, развивающийся вокруг физического проявления святости». Иными словами это трансформационный процесс при имеющей «исключительное значение трансформации тела»¹⁷². Постепенно в символической интерпретации умирания и нового рождения Наранхо приближается к ранковской гипотезе о «травме рождения», запечатленной в бессознательной памяти. На языке терминов эмбриональной жизни он утверждает аналогию символов биологического рождения и стадий «делания души». Итак, после аффектации духовности как квинтэссенции древнейшей народной мудрости автор приходит к выводу об изоморфности физического и духовного рождения индивида: «Выражая ту же мысль несколько иначе, можно сказать, что духовный герой возвращается в материнское чрево, испытывает там сильнейшие мучения – вплоть до того, что начинает верить, что умирает, и в конце концов понимает, что на самом деле родился»¹⁷³.

Высказывая несогласие с трактовкой Юнгом общественного смысла мифа как отражения произвольного проецирования архетипического материала, Наранхо фактически отгораживает своего мифического героя от социума (герой возвратился с мерками

¹⁷² Наранхо К. Песни просвещения. С. 60.

¹⁷³ Там же. С. 62.

волшебного мира и должен приспособиться к миру обычному, сохранив свое индивидуальное знание). Получается, что спаситель спасает лишь собственную душу и не каждый обычный человек может последовать его примеру, так как герои суть исключения из правил. Подобная интерпретация мифа, если признать ее правомерность, не устраивает политический миф, обслуживающий нужды социальные. Сталин, создавая мифорассказ о двух вождях, удовлетворял личные героические потребности (здесь мы согласны с Р. Такером). Но политический миф не был столь уж искусственным производным, как принято думать, еще и потому, что он писался в категориях общества.

Нам представляется, что политический миф в принципе не увлекала процедура внутреннего индивидуального совершенствования. Да и Сталин как герой никогда не страдал от «помрачения божественного», наоборот, политический миф непременно подчеркивает особую адекватность Сталина (через адекватность Ленину) – Учению. Проблема даже временной утраты святости – не проблема политического мифа России. В противном случае товарищ Сталин передал бы нам в архаической символике собственный «кризис идентификации» и в качестве выхода из него – личный духовный рост, недоступный для широкого массового подражания. Героические амбиции «второго Ленина» произвольно повторили лишь все без исключения перипетии путешествия «внешнего» (и в разделении последнего на две победные стадии мы солидарны с Наранхо). Назначение мифа скорее не в содержании, а в форме, ведь миф творился для ритуала, который своей нарочитой заданностью и обеспечивал искомый социальный смысл. Обряд возрождения (исключительный праздник, который при этом можно было тиражировать) касался каждого члена общины, а герой был всего лишь первым в ряду спасшихся. Он выступал объективным доказательством возможности спасения вообще. Объективность здесь понималась на архаический манер как материальность. И во время тоталитарное герой добывается бессмертия путем телесной трансформации, но творимой в ментальной образной сфере. Сначала наш герой отождествляется с коллек-

тивистской субстанцией революционного народа, а затем инкарнирует персонально в своего верного продолжателя – вождя второй революции.

В контексте складывания культа Ленина сказания о тоталитарном герое касается и Н. Тумаркин. Непосредственно после покушения на вождя, считает она, мифологизация его образа носила характер неофициальный. Тумаркин справедливо подмечает, что ранение как жертвенность и чудо выздоровления делали Ленина в глазах народа мучеником и спасителем. Он представлялся неким гибридом Христа и святого Георгия, поражающим врага – гидру контрреволюции. Нельзя не согласиться и с ее выводом, что «краеугольным камнем культа» стал тезис: «Ленин – это коллектив, партия, рабочий класс»¹⁷⁴. Приводимые Тумаркин публичные выступления 20-х гг. показывают, как личность вождя становилась проекцией всего коллективного организма. Творимый образ героя превращался в новую и, казалось, непреходящую социокультурную ценность. Она гласила: если Ленин есть воплощение народа, то куда жив этот народ – Ленина нельзя уничтожить.

В то же время появились и номинации, отражающие складывающиеся ментальные стереотипы Совдепии. Наиболее характерная из них имя собственное – Винун («Владимир Ильич не умрет никогда»). Образ вождя трансцендентировался и сакрализовался, и та же Тумаркин приводит весьма показательную цитату о Ленине: «Ты для России – небосвод! / Ты – правды свет! Ты – сам народ»¹⁷⁵. Однако вскоре, считает она, образ Ленина стандартизировался и, тем самым, превратился в идеологический символ. И теперь уже сверху стал насаждаться культ памяти вождя. Работа Тумаркин демонстрирует уверенность ее автора в абсолютном значении феномена политической пропаганды. А началось все, считает она, как инспирирование культа Ленина. К примеру, Тумаркин утверждает: «Покушение на жизнь Ленина породило новую риторическую формулу для выражения солидарности с боль-

¹⁷⁴ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 82–85.

¹⁷⁵ Там же. С. 90.

шевистской политикой: непомерное возвеличивание личности вождя»¹⁷⁶. И далее уточняет: «Очевидной целью этой газетной кампании было укрепить законность партийной власти посредством концентрации ее в идеализированном образе вождя, обладающего титаническими способностями и личным героизмом»¹⁷⁷. Конечно, политической пропаганде уже в 20-е гг. отводилось значительное место, но все же, по нашему мнению, ключевым ментальным элементом эпохи был миф. Нам представляется, что именно эмоциональное отождествление социума с персонификацией мифогероя, а не навязчивая трансляция в массы сухих идеологических директив, выступило органическим механизмом созидания культа вождя. В особенности нас не убеждает авторский аргумент о прогрессирующей «риторике лояльности» в ответ на настоятельные «намёки» политического режима. Любые резоны (верхние или нижние) приобретали форму мифа о новом спасителе России. Партийные и народные сказания конструировали по сути «внутреннюю» и уже единую картину мира. В описываемое время цельный героический миф исходил из неосознанного универсального духовного знания, структурированного по мономифу. И вскоре обнаружилась общественная потребность осмыслить героический путь как сказание о двух победах (и в этом смысле мы имеем дело с нераздельным культом вождей). Таким способом раздробленное сознание общества трансформировалось к архетипическому монизму мифа. Социум самопроизвольно «стягивался» вокруг узнаваемого им героя, поднимая последнего на вершину героической пирамиды.

Таким образом, мы беремся утверждать, что политическое сказание о тоталитарном героическом вожде структурно строится на мифологической концепции двух побед. Первая победа – начальная, вторая – окончательная. Начальную победу можно символически идентифицировать как «победу над антагонистом», окончательную – как «победу над предателями». Перед нами соответ-

¹⁷⁶ *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 87.

¹⁷⁷ Там же. С. 94.

ственно и две инициации: испытания «водой» и «огнем». Сперва рождается герой с идеологией спасения, а затем происходит его идеологическое же возмужание, приводящее к личному бессмертию. Однако вместе с героем рождается и новый социум, и победа обновленного мира носит необратимый характер. Героическая страна пребывает в вечности-будущем, поскольку берет свои истоки из героического корня. Истоки здесь важнее всего, так как вождь есть демиург мира, центр его, энергия и божественный смысл.

Перед нами общая панорама отечественного мифа, но снова вспомним, что единый герой в тоталитарном рассказе выступает в двух лицах, ведь миф пишется с героев исторических. Поэтому миф структурно усложняется. Как в сказке, предательство создает второй ход. Первый из ходов можно обозначить как «ленинский», а второй – как «сталинский». Имеется в виду, что Ленин одерживает первую победу (начальную), а Сталин – вторую (окончательную). Ленина в середине пути предают, он погибает, и уже Сталин-герой проходит трудный путь борьбы в царстве тьмы. Первая победа Ленина-героя – это политическое чудо Октября. Магические инструменты Учения (подаренные волшебными помощниками Марксом и Энгельсом) позволили победить дракона-царя. В результате близость к Идее Всемогущей придала харизму и самому вождю большевиков. Ленин, чудесно усилившийся, дошел до своей вершины и поднял стяг собственной победы. Не случайно Сталин следует дальше под этим «знаменем Ленина». Но упоение успехом продлилось недолго. Предатели (так сказать, «старшие братья» по семье социал-демократического движения) не могли не позавидовать успеху младшего брата-большевика. Их коварное вредительство чуть не погубило вождя-Ленина. Здесь мы можем наблюдать интересную «развязку» мифоструктуры: Ленин очевидно ушел, но при этом трансформировался в Сталина. В едином же мифе пертурбация обозначает, что герой спустился в подземное царство. Не случайно в светлом новом мире повсюду враги. На второй фазе нашей мифоистории мотив победы над врагами становится доминирующим. Появляется и сюжет ложного героя,

точнее героев, образно говоря, «сидящих в кустах» и норовящих попользоваться чужой победой. Но народ по «отметине» узнает героя истинного и обожествляет его, а благодарный герой одаривает бессмертием свой народ.

В пределах единого мифа о двух победах двуликого героя (распространенный силуэтный символ: сталинский лик накладывается на фон лица Ленина) обозначаются и тесно сплетенные рассказы о вождях. Каждый из внутренних рассказов, в свою очередь, структурирован по схеме двух побед. Таким образом, каждый из вождей, друг за другом, переживает в мифе личные начальную и окончательную победы. Но, по сути, победа едина: вот почему круговая модель героического пути, воспроизведенная Кэмпбеллом, также адекватна политическому мифу России.

Итак, почувствовав зов свыше, юный Ленин оставляет знакомый мир и отправляется на поиск неведомого. Уже в начале пути он получает магическую помощь Учения и устанавливает связь с волшебными помощниками, проявив коммуникабельность. На этом отрезке пути герой знакомится с принцессой. Ленин проходит и через первое испытание злом: его героический подвиг – свержение дракона-императора. В результате героических усилий принцесса освобождена, а герой испытывает упоение от своей близости к «божественной сущности». Вдохновленный герой взбирается на вершину и поднимает знамя победы. Перед нами первая инициация – первое крещение: герой пришел в мир и обозначил территорию нового мира. Но счастье коротко. В результате предательства наш герой погибает, но тут же возрождается к вечной жизни: «Ленин живет всех живых». Вторая стадия мифа о Ленине сокращена, и акцент здесь поставлен на первой победе. Апостольский триумф Ленина, уравновешивающий его последующее мученичество, – вот пропорции мифа, и они заданы христианской традицией.

Сталин как вождь движется параллельным курсом: он преодолевает первую фазу героического пути, идя след в след за Лениным. Именно от Ленина юный Сталин узнает об Учении (т.е. Ленин для Сталина выполняет функцию волшебного помощника) и вместе с ним поднимается на вершину, приобщается к подвигу.

Первая уже самостоятельная его победа есть «сталинская революция» конца 20-х гг. Антагонистом для Сталина выступает Троцкий, пытавшийся попасть в первую двойку вождей (Тролен – Троцкий, Ленин). Но начальная личная победа Сталина преподносится мономифом как промежуточная и не акцентируется (Сталин хотел совершить нечто большее – свой Октябрь, еще раз присоединимся к Р. Такеру). Второй Октябрь для Сталина есть индустриализация плюс коллективизация. С точки зрения и мифа, и жизни, происходит возведение моста от законов волшебства к обычному миру. Фаза победы окончательной в отношении Сталина выписана подробно и преимущественно как вторая ступень путешествия героя вообще. Итак, после победы начальной – предательство завистников. Здесь появляется целая плеяда «ложных героев» (Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский и др.). Вождь пока не признан как герой, он только занял лидерский пост, а это, как ни суди, одни трудности и испытания. Сталин, отбиваясь от врагов и самосовершенствуясь, совершает второе путешествие по адскому «чреву». Враги же неустанно готовят покушения и мешают продвигаться вперед. Однако Сталин получает собственную долю магической помощи: «непобедимый меч» и «некончающийся хлеб». Но главное – он приобретает волшебное знание. Перед нами вождь умудренный и зрелый. Мы становимся свидетелями весьма энергичного «крещения огнем», и страна вместе с любимым вождем «закаляется как сталь». Вернувшись, герой заключает мистический брак. Спутница жизни героя предстает в женских символических образах Славы и Родины-матери. Слиянию мифических духовных сущностей способствует и телесная трансформация героя. И вот наш герой предстает как совершенство и божество. Это момент апофеоза политического мифа о тоталитарном герое в целом.

Не случайно именно Сталину мы обязаны обозначением мифических доминант второй стадии пути. Первая доминанта представлена теорией «возрастания классовой борьбы» при переходе к социализму. Вторая отражена в тезисе о «полной и окончательной победе» социализма в СССР в 1936 г., закрепленной в сталинской Книге Закона.

Таким образом, Сталин-продолжатель превратился в императора и отца Отечества, заменив сразу и тирана-дракона и героя-отца. Одержав вторую победу, герой тем самым одновременно и замкнул круговой путь своего странствия. Панораму путешествия тоталитарного вождя России мы можем развернуть из совокупного текста, но мифопоэтическая эпоха донесла до нас и концентрированное выражение концепции двух побед – имя собственное Лорикс (Ленин. Октябрьская революция. Индустриализация. Коллективизация. Социализм).

Итак, мы проанализировали проблему мифологической победы героя в плане содержательно-структурном (победные этапы). Теперь рассмотрим победу как отдельный элемент мифа (триумф героя). Здесь мы обратимся ко второй из названных в начале главы концепций – единого героического пути. Речь пойдет о точке зрения Д. Кэмпбелла. Реконструируя круговую модель путешествия героя, известный мифолог на диаграмме обозначает и место наивысших героических свершений. Данная позиция, согласно схеме, двойственна. С одной стороны, ее можно рассматривать как нижнюю точку мифологического круга (на полукружье «темного мира»). С другой стороны, она фиксирует пик героического восхождения. Триумф, по его мнению, достигается лишь посредством серии менее значимых промежуточных побед, одержанных героем над силами тьмы: чудовищами и злыми чарами. Герой на пути к победе триумфальной преодолевает тягчайшие испытания и искусы. Однако в трудностях он не одинок, так как рядом всегда «волшебный помощник» и его посланцы.

Триумф (как часть общей структуры мифа), по Кэмпбеллу, сам имеет довольно сложную подструктуру олицетворенных символов. Их четыре: «священный брак», «воссоединение с отцом», «обожествление» и «похищение эликсира». Остановимся на авторской характеристике символического значения каждого из них.

«Священный брак» есть церемония наиболее мистически-абстрактная. На первом плане в ней находится не «семейный конфликт», а соединение двух основных культурных начал. Это союз героя с жизнью. Создание, так сказать, патриархальной «семьи».

В данном акте торжества героя над жизнью, согласно психоаналитической трактовке, он становится «хозяином» последней. Герою есть что торжествовать, так как «царственная Богиня Мира» объединяет в своей сущности «хорошее» и «плохое». И жизнь, как мы убеждаемся и в политическом мифе, первоначально не очень милостива к герою. Но зато эта победа дает возможность завоевать «дар любви». А без подобного драгоценного дара невозможно превращение героя в божество. И, наконец, женский образ символически олицетворяет в мифологии полноту познания. Теперь, познав жизнь и укротив «мать-разрушительницу», герой может двигаться дальше.

Значение второго символа («воссоединения с отцом») состоит в признании героя отцом-создателем. Герой в мифе (и в политике) испытывает потребность в сильной опеке со стороны отца. Мифологическое соединение с отцом происходит в конце дороги суровых испытаний. Отец – самый важный символ для героя, так как он хранит главную тайну творения. Отец не просто персонаж мифа, породивший героя-сына, но и сам – божественное воплощение. Слияние сущностей отца и сына в особенности приближает героя к божественной ипостаси. Основа их тождества – понимание. Поэтому сын, созревший до постижения отца, безропотно переносит испытания судьбы. И мир открывается для него не только со стороны зла, но и как отражение отцовской «благодати».

Соединившись с двумя «первозлементами», герой готов к превращению в божество («обоожествлению»). В этом смысле герой достиг стадии совершенства и сам он – совершенство. Но, с другой стороны, каждый может быть героем, если высвободит все свои внутренние возможности. Ибо сказано: «Все состояния – состояния Будды». Герой как бог есть спаситель мира и благая весть, которую он несет в мир: Бог есть Любовь, а все без исключения – дети его.

«Похищение эликсира» – условное название элемента мифа, связанного с получением героем награды за его подвижничество. Вознагражденный герой возвращается со своей добычей в мир. Тем самым он несет воскрешение, т.е. возрождает мир с помощью добытого чуда. Приобщение героя к чуду есть основа для широко-

го одаривания мира благами вообще. Похищенный «эликсир бессмертия» – своего рода окончательная награда героя. Формы его, по Кэмпбеллу, различны: чудесная энергия молний громовержца; плодородный животворящий дождь; благодать, возвещенная колокольным звоном. Словом, это свет окончательного просвещения и просветление святого мудреца. Высвобождение такой энергии способно перевернуть весь земной мир.

В качестве резюме можно заметить: для спасения и возрождения мира к новой жизни герой непременно должен пройти (замкнуть) полный мифологический круг. Только так он может донести эликсир. И этот жизнеутверждающий трофей герой получает именно в момент своего триумфа. А значит «триумф» как компонент структуры и как символ преобразования приобретает и значение движущей силы мифа вообще. Он стимулирует сам акт возвращения героя и отвечает его потребности получения признания сообщества, его полагавшего и ожидающего прихода своего спасителя.

Теперь, обозначив концептуальные посылки, рассмотрим конкретное влияние мифического триумфа тоталитарного героя России на ментальную направленность общественного сознания. Предоставим слово самому мифу: «В горе да в напасти, / Счастья мир не знал. / Ты нашел, приметил / Путь-дорогу к счастью – / Счастье в руки дал»¹⁷⁸. Как в обычном мифе, герой отправляется в поход на поиски лучшей жизни...

Перво-наперво он заключает воистину мистический союз. По архаической традиции у нас персонифицируется и оживляется не только Земля-Родина как начало женское, но и государство сохраняет статус женского элемента при мужском начале – Государе. Поэтому в тоталитарном мифе совершаемый символический брак лидера-героя с уже покоренной суровой жизнью образует, так сказать, политическую семью, состоящую из Вождя-отца и Родины-матери. Родина здесь не просто оживляемая территория (Земля), но и государство, т.е. политическая структура. В мифе подчеркивается значение Сталина как хозяина всех базовых и опорных со-

¹⁷⁸ Колас Я. Вождю народов // О Ленине и Сталине. М. ; Л., 1947. С. 30.

циальных ментальных символов: государства, земли и жизни вообще: «Привет тебе, родной товарищ Сталин, / Привет тебе, Отечества отец! / Мы ныне твой великий подвиг славим / Сыновней песней пламенных сердец»¹⁷⁹. И благословенный союз двух начал многократно прославляется: «Слава Сталину родному, / Слава сталинской земле»¹⁸⁰. Или: «Слава нашей матери-земле! / Слава солнцу красному в Кремле!»¹⁸¹. Перед нами, безусловно, волевой Отец и единоличный хозяин жизни:

В любом ударе молотка,
В любой бороздке поля,
В труде кипучем, как река,
На фабрике и в школе –
Великого большевика
Мечта, порыв и воля¹⁸².

Он владеет жизнью по праву покорителя:

Эта песня о нем, кто моря покорил,
Кто взрастил небывалые всходы.
Злое царство болот он в сады превратил,
Он построил дворцы и заводы¹⁸³.

Однако покоритель оборачивается и преобразователем жизни: «Отец, твои слова тверды: / Горит отчизна ярким цветом, Сталин»¹⁸⁴.

В политическом мифе герой не только заключает «священный брак», но и воссоединяется с идеологическим отцом. Как в мономифе сближению их сущностей способствует достижение понимания: «Ленинский свет негасимый / В сталинском сердце горит»¹⁸⁵. Следующий шаг – полное сущностное слияние: «И, кажется, Ленин по-прежнему жив, / И, кажется, Ленин в Кремле»¹⁸⁶. Наконец, происхо-

¹⁷⁹ Санников Г. Слава Сталину! // Песни о Сталине. М., 1950. С. 191.

¹⁸⁰ Прокофьев А. Слава Сталину // Там же. С. 197.

¹⁸¹ Софронов А. Песня славы // Там же. С. 196.

¹⁸² Рыльский М. Великое имя // Там же. С. 41.

¹⁸³ Островой С. Песня о первом герое труда // Там же. С. 170.

¹⁸⁴ Стальский С. Отец // Песня о Сталине. М. ; Л., 1950. С. 43.

¹⁸⁵ Маликов К. Победами приветствуем народного вождя // Песни о Сталине. С. 91.

¹⁸⁶ Жаров А. Сталину слава! // Там же. С. 77.

дит и абсолютное отождествление: «Сталин весь мир за собою ведет, / В Сталине Ленин бессмертный живет»¹⁸⁷. В итоге метаморфозы возникает политическая формула, носящая чисто мифологический смысл: «Сегодняшнего Ленина приветствуют в тебе!»¹⁸⁸. Ведь всем известное «Сталин – это Ленин сегодня» говорит о достижении политическим героем мифологического бессмертия.

В конце преодоления суровых невзгод и испытаний, именно на триумфальном «отрезке» пути явственно обнаруживается особое совершенное существо – сакральный Вождь:

Великий вождь советского народа,
Вы с нами вместе – всюду и всегда:
И в годы войн и воинских походов,
И в годы мира – мира и труда.
Вы нам даете силу и отвагу,
Вы – наше знамя, правда и оплот.
И сердце знает лишь одну присягу:
– За Родину, за Сталина – вперед!¹⁸⁹

В избранный мир снизошло новое божество, от которого все ожидают чудесных свершений и спасительных действий:

Настанет, в песнях солнечных воспетый,
Обетованный, долгожданный час,
Когда, исполнив Ленина заветы,
В мир коммунизма Вы введете нас¹⁹⁰.

Таким образом, заменив отца, «обожествленный» герой теперь сам готов творить и расточать любовь на «детей» своих:

Он – надежда поколений,
Он – грядущего творец,
Наша сила, мудрый гений,
Вождь, учитель и отец!¹⁹¹

¹⁸⁷ *Ошанин Л.* Нас двое вели в этот солнечный мир // *Песни о Сталине.* С. 42.

¹⁸⁸ *Джамбул.* Песня о выполненной клятве // *Песня о Сталине.* С. 42.

¹⁸⁹ *Исаковский М. И. В.* Сталину // Там же. С. 172.

¹⁹⁰ *Сурков А.* Вождю народов // Там же. С. 177.

¹⁹¹ *Луговской В.* Песня о вожде // *Песни о Сталине.* С. 184.

Вождь-триумфатор славен не только сам по себе, он призван спасти и переменить мир: «Все ярче огни коммунизма, / Народно-го счастья огни. / Спасибо, великий учитель, / За то, что нам светят они»¹⁹². Эта перемена есть возрождение мира: «Взглянет Сталин зорким взглядом, / Как за башнями Кремля / По его великой воле / Обновляется земля»¹⁹³. Как в сказке и герой омолодился, и мир вечно живой: «Всю жизнь окропил он / Живою водой, / Он молодость любит, / Он сам молодой!»¹⁹⁴. Так народ под водительством своего героя достигает искомого бессмертия: «Где наш народ бессмертье утверждает, – / Везде / Великих дум его размах!»¹⁹⁵.

Итак, мы убедились, что тоталитарный политический миф буквально воспроизводит и частные структурно-символические составляющие героического триумфа. А это означает, что структура мифа вообще имеет естественную природу. В данной связи еще раз напрашивается вывод: идеологического манипулирования с призывами к героизму недостаточно для объяснения массового общественного героического подъема. Иначе не ясно, отчего «сработали» целевые установки именно на трудоемкую триумфальную победу и исключительную по своей природе жертвенность? Здесь, думается, можно говорить о встречающих ментальных потоках (сакрализации жертвенности как нравственного эталона и героических стереотипах сознания), равно проистекающих из «архетипа возрождения». В сущности, но не по видимости, произошло обоюдное бессознательное копирование ментальности мифа. Опыт архаической культуры (ритуальная жертва в обряде перехода) неосознанно использовался для конструирования символического мира, который затем проецировался в политико-символическую реальность.

Какова же суть схемы символического мира, которую создавал акт героического триумфа? Выстраивался цельный ментальный героический комплекс: утверждалось, что каждый человек в со-

¹⁹² *Ошанин Л.* Спасибо, великий учитель! // Песни о Сталине. С. 186.

¹⁹³ *Незлобин Н.* Колечко // Там же. С. 159.

¹⁹⁴ *Лебедев-Кумач В.* Спойем, товарищи, споем! // Там же. С. 28.

¹⁹⁵ *Бровка П.* Дума о вожде // Песня о Сталине. С. 60.

ветской стране герой. А значит он проходил героический путь, аналогичный стезе вождя. Во-первых, простой герой преодолевал суровые препятствия: «Великие грозы пытали / Детей обновленной земли. / Но, тверже гранита и стали, / Мы все испытанья прошли»¹⁹⁶. Во-вторых, это тоже путь подвижничества и победы над силами зла:

Мы побеждали смерть не раз,
И был наш путь к победе крут.
Потомки сталинцами нас
За этот подвиг назовут¹⁹⁷.

Но место «волшебного помощника» на этом пути к победе-триумфу занимал уже вождь-герой: «Если по трудной дороге идешь, – / Знай, ты идешь не один, а вдвоем: / Имя заветное – / В сердце твоём!»¹⁹⁸. В конце концов и простой герой взбирался на вершину мудрого знания, достигая абсолютного сакрального просветления: «Протекаю мыслью по жизни. / На высокие горы Сибири поднявшись, / Беседуя с вечным солнцем. / Я – слепой якут – / Становлюсь зрячим...»¹⁹⁹. Это означало, что советский простой герой получал и личную окончательную награду (собственный глоток эликсира, вливающий энергию обновления). Возрожденный обычный герой приобретал качества «сталинского орла»:

Рукой достигают они светил,
Сердца их навеки с тобою, Сталин.
Упорны в труде, отважны в бою,
С любой они сладят бедою, Сталин²⁰⁰.

Эта сконструированная в мифе ментальная схема мира, отражавшая архетипические образцы поведения, воздействовала на политическое общественное сознание в конкретном качестве матрицы. Кроме того, ее трансляция как адаптация к миру реальному воспринима-

¹⁹⁶ Сурков А. Живая душа Ильича // О Ленине и Сталине. С. 10–11.

¹⁹⁷ Сурков А. Вождь // Там же. С. 29.

¹⁹⁸ Михалков С. Имя вождя // Там же. С. 32.

¹⁹⁹ Тимофеев-Герешкин М.Н. Сказанья о вождях. Якутск, 1946. С. 3.

²⁰⁰ Цадаса Г. Сталину // Песня о Сталине. С. 50.

лась сокровенным достижением самого социума. Общественное сознание уже, так сказать, изнутри превращалось в органический инструмент структурирования мира. Мир становился двойственным, включающим одновременно и компоненты символически-сакральные и материально-профанные. Поэтому тоталитарный человек обладал глубоким убеждением: воспитать в себе героя, преодолеть нечеловеческие трудности, жертвовать всем и своей жизнью, наконец, есть нормальный стандарт (норма) современного политического поведения. А пример подавал вождь-символ. Так миф о тоталитарном герое превращался в ментальный фактор.

СТРАНА ГЕРОЕВ

В качестве ментального фактора миф о герое в тоталитарной России играл не только органическую, но и технологическую роль. Технологии политического властвования вообще правомерно рассматривать как способы принуждения к определенному типу поведения. Такого рода принуждение может быть явным или скрытым. В первом случае властитель способен управлять посредством репрессивного контроля. Во втором – влиять с помощью моделирования образа жизни. В данной связи технологическая сторона властвования предстает в виде двух механизмов: политической и социологической пропаганды. Под политической пропагандой я буду подразумевать технику «символического кодирования», применяемую государством для манипулирования поведением общества. Что же собственно есть пропаганда социологическая?

Сам термин взят из статьи Д. Эллала «Политическая пропаганда и социологическая пропаганда»²⁰¹. Оба типа пропаганды автором противопоставляются. Политическая пропаганда для него есть сознательное делегирование всему обществу неких поведенческих штампов. Его осуществляют администрация, партия, влиятельная группа и т.д. А другой тип – социологическая пропаганда – подсознательна. Потому она вездесуща и постоянно окружает нас. Это фон нашей повседневности. Данная пропаганда сама собой разумеется. Получается, что индивид обращается к идеологии через свой образ жизни. Значит социологическая пропаганда есть форма тиранического сознания: человек сам заставляет себя следовать стандарту в общественных действиях. Таким образом, социум интегрируется согласно модели. Феномен идеологической направленности переворачивается: это сорт убеждения изнутри. Обще-

²⁰¹ См.: *Freedom & tyranny: Social problems in a technological society* / ed., with introductions by Jack D. Douglas. N.Y., 1970. P. 116–125.

ство навязывает себя индивидам, так сказать, с другой стороны. Поскольку значимые критерии и суждения усваиваются спонтанно, следовательно они – коллективной природы. В подобной ипостаси интегратора и руководителя невольным поведением любое общество тоталитарно.

При этом Д. Эллал подчеркивает, что социологическая пропаганда может включать и методы эффективного правительственного воздействия: рекламу, кампании и т.д., т.е. элементы политической пропаганды. Но главное, она включает те же стереотипы и предубеждения, что и прямая пропаганда, а значит, вызывает те же чувства. И указанное сходство, по мнению Эллала, больше сближает два аспекта пропаганды, чем их разделяет. Итак, социологическая пропаганда в итоге все равно направляется правительством.

Индивид в объятиях развитой социологической пропаганды верит: кто живет по эталону, находится на стороне ангелов, а отклоняющиеся – плохие. «Свои» у него правы, а «чужие» – ошибаются. Формируется убеждение, что «наша» система – самая лучшая. Это ведет к распространению мифов о добре и зле. На такую пропаганду успешно опираются доктрины, потому что индивид самостоятельно «додумывается» до общезначимой идеологии. Человек принимает идею как критерий ценности и выносит политические приговоры. В этом смысле социологическая пропаганда служит почвой для пропаганды основной.

Однако Д. Эллал резюмирует, что социологическая пропаганда недостаточна в кризисную эпоху. В моменты переходные она или преобразуется в субпропаганду, или трансформируется в прямую пропаганду, руководящую действием. Волевая технология управления поведением называется в США «инженерной». Суть ее в навязывании программ действия по идейным мотивам. Непроизвольная социологическая пропаганда становится все более и более преднамеренной и, наконец, завершается откровенным влиянием. Причем, чем больше осознается социологическая пропаганда, тем сильнее выражается тенденция и к внешней ее экспансии.

В современной России наиболее эффективной являлась тоталитарная модель властвования. Очевидно, технология политического

«кодирования» превалировала в ней. Тем не менее однонаправленные (сверху вниз) и прямолинейные приемы воздействия не могут объяснить героически-жертвенного эталона, принятого в качестве образца обычной жизни. Согласно логике Эллала, здесь должна действовать и пропаганда изнутри. Но ученый лишь подметил сам факт наличия двусторонней системы, продуцирующей лояльность. При этом он не показал, как именно подобная система может работать. Думается, что механизмом такой самопропаганды у нас и выступил политический миф.

Снова приходится отмечать, что политический тоталитарный миф принято считать исключительно официозным и искусственным элементом пропаганды. Но в данной связи бытует недоразумение, т.е. зачастую под мифом подразумевается трафаретный культовый текст. Мифология же как таковая есть атрибут сознания вообще. Политическое сознание той эпохи было мифологическим тотально, и инициированные режимом культовые символы естественным образом вступали во взаимодействие с его архетипическими структурами, это с одной стороны. А с другой – сами тексты (к примеру, песни о вождях) обнаруживали структурное соответствие основной символике архаического мифа о герое-спасителе.

Таким способом «примитивная агитка» поднимала советского человека в атаку, побуждала трудиться до изнеможения, верить в каждое слово пророка и все потому, что индивид отождествлял себя с мифогероем. Именно на основании мифа тоталитарная социологическая пропаганда изнутри моделировала подвижнический образ жизни. Так миф исподволь изменял реальность. Сказание о вожде – не просто разновидность политинформации, хотя составлялось оно сплошь и рядом из рифмованных лозунгов. В метафорах, заимствованных политикой из фольклора, кодировались образцы поведения не современных людей, а героев. С их помощью миф создавал символическую ментальную модель мира. Модель затем произвольно возвращалась в реальность и точь-в-точь соответствовала ожидаемому типу поведения. Советский человек, таким образом, не формально исполнял указания свыше, а сам отдавал себе приказ и от того ощущал себя равным богам. Он творил идеи и творил мир, подобно герою-лидеру.

Что же представляла собой эта ментальная модель мира? С точки зрения политического мифа, перед нами два сказания: 1) о Сталине-герое; 2) о стране героев. Миф как компонент техники властвования нагляднее проявлялся во втором случае, поэтому на героическом образце здесь остановимся вкратце. Итак, пример жертвенности во имя народа в целом и конкретного подвижничества в частности подает Сталин – «герой героев». Тоталитарный вождь не только лучший в каждой сфере познания, но и лидер во всех формах действия (герой революции, войны и труда). Он герой СССР и всего мира. Уже детство его изобилует приметам героической судьбы, а вся жизнь Сталина – непрерывная цепь подвигов. Перед нами герой, призванный спасти мир, что он и делает, последовательно играя стандартные героико-социальные роли.

В героическом политическом мифе тоталитарный сверхгерой не одиночка. Он сражается во главе команды, изображенной в виде боевого корабля. Сначала Ленин был «корабельщиком», а Сталин-капитан сменил его у руля²⁰². Кремль, разумеется, рубка. А сверху победным вымпелом развевается советский флаг. Эта спаянная дружина и есть в широком значении «страна героев». В стране героев – все геройское. Весь народ – герой, народ-богатырь. И, конечно, народ-победитель. Для героического народа присуща жертвенность: «Святая кровь героев наших / Росой упала на поля, / Чтоб расцвела быстрее и краше / Родная русская земля»²⁰³.

Советский народ как целое составляет одну большую армию, которая делится на «армию труда» и «Красной Армии героев». Не только военные все сплошь бойцы-богатыри. Но и мирно работающая Советская Россия представляет собой «трудовой фронт», рвущийся к «трудовой победе». Военная часть армии четко разбита на две «плоскости»: небо и землю. В небе летает «орлиное племя» – «стальные» или «сталинские соколы». У них «стальные руки-крылья» и «вместо сердца – пламенный мотор». Сравнение с соколом и орлом сближает героев «большого полета» с самим во-

²⁰² См.: Назаревич А. Эпос, творимый в наши дни. Махачкала, 1950. С. 49.

²⁰³ Лебедев-Кумач В. Подымайся, чудо-родина // Песни Советской страны. С. 49.

ждем, «выше всех летающим». Внизу тоже – все в стремительном наступлении. Топчет землю богатырская пехота. «Броня крепка» у танкистов-героев. Сотрясает все вокруг, подобно громовержцам, героическая артиллерия. С водной глади поддерживает ее геройский флот. Уходят в поход на врага партизаны-герои. И встречают его «по-сталински» бойцы-кавалеристы Сталинской дивизии на чудоконях. Не менее победоносно настроена и трудовая армия, особенно трактористы: «Всю войну мы танки в бой водили, / А теперь мы водим трактора»²⁰⁴. И рядовые колхозники, собравшие урожай, т.е. сделавшие обычную работу, считают свой труд подвигом. В отличие от бойца Теркина, согласного на медаль, они ждут ордена: «Если ж к этому награда / Будет нам присуждена, / Мы не скажем: нет, не надо! – / Мы ответим, что нужна»²⁰⁵. На помощь героям постарше заступает «молодая гвардия рабочих и крестьян». Это «комсомольцы-орлята» спешат помочь «власти орлиной». Девушки в ударных бригадах готовы сменить «мужа и отца» и прославить свои имена среди героев. И замыкает шеренгу пионер – «всегда готов»:

Спой нам, ветер, про славу и смелость,
Про ученых, героев, бойцов,
Чтоб сердце загорелось,
Чтоб каждому хотелось
Догнать и перегнать отцов!²⁰⁶

И вся эта страна-армия не только готова к бою, сражается, но и бдительно охраняет свои пределы. Здесь все на посту и даже футбольный вратарь – защитник отечества: «Эй, вратарь, готовься к бою – / Часовым ты поставлен у ворот! / Ты представь, что за тобою / Полоса пограничная идет»²⁰⁷.

Содержание мифологической модели в том, что свыше отдано распоряжение «быть самыми лучшими»:

²⁰⁴ Шведов Я. Песня тракториста // Песни Советской страны. С. 79.

²⁰⁵ Исаковский М. На реке, реке Кубани // Там же. С. 84.

²⁰⁶ Лебедев-Кумач В. Веселый ветер // Там же. С. 205.

²⁰⁷ Лебедев-Кумач В. Спортивный марш // Там же. С. 194.

Мы все добудем, пойдем и откроем
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!²⁰⁸

Откровенно пропагандистский смысл и мифологически адекватен, поскольку в мифе героем может стать простой смертный, конечно, при благоприятном факторе чуда. Суть героизма, таким образом, есть свершение подвигов любой ценой: «Славой бессмертной покроем, / В битвах свои имена. / Только отважным героям / Радость победы дана». И в эмоциональном переживании рождается общезначимая ориентация: «Смелый к победе стремится, / Смелым дорога вперед. / Смелого пуля боится, / Смелого штык не берет». Для «собственного» выбора есть все героические основания: «Смелыми Сталин гордится, / Смелого любит народ»²⁰⁹. Итак, мифологический эталон поведения рождает уже социально реальную «структуру смелых».

Таким образом, в героическом мифе тоталитарной России наряду с «героем героев» Сталиным действуют и герои рангом пониже. Среди них почетное место принадлежит героическому воинству. Здесь речь пойдет не об исторических личностях, а о персонажах мифологического текста – чудо-богатырях. Однако перед нами не былинные копии, а скорее ментальные «извлечения» из пласта средневековой культуры. Это «святое воинство» житийных легенд: армия добра, состоящая из подвижников и ведущая каждодневную битву с мировым злом. Согласно христианской мифологии²¹⁰, есть лишь две силы, призванные уменьшить власть дьявола: это слово Божье и подвиги святых. В многочисленных вариациях тоталитарное сказание воспроизводит мифологическую концепцию борьбы личностей, когда победу одерживает сильнейший. Если поражение врага есть результат героической победы,

²⁰⁸ Лебедев-Кумач В. Марш «веселые ребята» // Песни Советской страны. С. 192.

²⁰⁹ Сурков А. Песня смелых // Там же. С. 123.

²¹⁰ См.: *Сад демонов* – *Hortus daemonum*: Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 1998.

то содержание подвига – в преодолении тягчайших испытаний (численный перевес всегда на стороне противника, требуется личная неимоверная физическая отдача). Совокупный текст обнаруживает и другие характерные моменты средневековой модели мифа. Так, святое воинство представляет собой профессиональную группу борцов со злом. Образ героической победы обычно нагляден – неуклонное сокращение территории, контролируемой демонами (даже воюя за новую территорию, к примеру в Западной Украине, советский воин защищает «свою пядь» земли). Но особенно важно ключевое совпадение с библейской традицией: пуще прочих доблестей ценится мифом перевес в духовной схватке, т.е. на фронте догматическом (герой всегда убежден, что он борется за «правое дело»).

Итак, подвижничество как таковое есть способ действия воина-героя. При этом советский героизм – не акт индивидуалистический. Напротив, он явление массовое, что и декларирует миф. Миф здесь прав по сути, поскольку буквально отражает поведение архаического толка. По аналогии с выводами М. Элиаде²¹¹, мы констатируем такой тип действия, при котором значимость поступка определяется его абсолютной причастностью к сакральной сфере, т.е. к трансцендентной реальности. Действие, ставящееся обществу в пример, в подобной культурной среде отнюдь не самостоятельный поступок, оно жестко соотносится с мифологическим прототипом, поведение здесь стереотипно. Речь идет о действии по образцу в плане имитации архетипа небесного. Смысл такого рода копирования – в повторении изначального акта, совершенного богами и наделенного символическим значением. Символический знак как персонификация в тоталитарном социуме – это Герой Советского Союза. Но что конкретно он символизирует? Как примерный миссионер, герой общества символическим жестом освящает территорию (ведь водружение знамени победы аналогично установлению креста на языческой земле). И если, согласно мифологической модели взаимосвязи Хаоса и Космоса, акт крещения символически воспроизводит первотворение, то в онтологическом смысле победа героического воинства,

²¹¹ См.: Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.

одержанная под знаменем правой веры, равнозначна рождению нового сакрального мира. А в плане следования прототипу любой подвиг в такой культуре есть повторение жертвенного акта героя-творца. Святое воинство шло в атаку со Сталиным буквально, ведь каждый, наряду с реальным, совершал и мифологический подвиг, повергая в прах очередного дракона.

Таким образом, героическое подвижничество выступает одним из базовых элементов священного мироустройства – ключевым звеном конструкции страны Обретенного Смысла. Сенсогенность (как одержимость поиском смысла) – одна из доминант этого сакрального мира²¹². Героическая структура данного мира иерархична: вождь-герой и героические вedomые. Их святость соотносится как абсолютно божественная и частичная сакральность. При анализе типичного текста, прославляющего героев войны, у этих «обычных советских людей» обнаруживаются вполне мифологические данные.

Ведущими являются три качества: верность Слову (Ленина–Сталина); беспощадность к врагу и готовность отдать жизнь за Родину. Здесь отчетливо видно, как политический миф творит вполне архаический политический коллектив. «Патриотизм» и «Родина» – вот его слова-приметы (каждый здесь кандидат в герои и все вместе – солдаты отечества). И совершенно справедливы пропагандистские клише: героизм и патриотизм в Советской стране есть явления массовые. Здесь можно добавить и архаические, так как «Родина» – понятие живое (священная территория клана, где родообразующим фактором выступает номинативный признак: вот почему наш герой стремился «умереть коммунистом»).

Очевидно, что общество рационалистов не поймет красоты патриотической жертвенности, ведь это в сущности чувство. Но чувство управляемое. Если (вслед за С. Московичи) принять концепцию наличия в регрессирующей политической цивилизации особого эмоционального ритма, то, с нашей точки зрения, нагнетаемые и одновременно контролируемые эмоции относительно патриотического долга выступали своего рода институтом экстаза.

²¹² См.: *Росиньска С.* Феномен фанатизма // Вестник МГУ. Сер. 7. 1991. № 3.

Тем самым подвиг героического воинства выполнял функцию простейшего общественного института. Как и архаические обряды, он концентрировал «племенные» чувства: привязанность к коллективу и потребность в других²¹³.

Теперь обратимся к подвигу как к взрыву чувств, моменту собственно экстатическому, элементу праздника. Экстаз, со своей стороны, есть «выход из себя» в сферу сакрального, апофеоз праздничности. В подвиге мы встречаем то же самое (так, в воспоминаниях бойца Гольянова, уничтожившего до ста японцев, зафиксирована эмоция: «Как радостно стало на душе!»). Здесь герой-воин и обнаруживает свою сакральную составляющую. Аналогично состоянию праздничной одержимости, когда человек выходит из ментальной ячейки, герой действует не сам: им овладевает и движет божество. Человек как бы раздваивается: на индивидуальное и коллективное существо; на «Я» и «Не-Я»; на физическое тело и идеального героя, уже сакральную ипостась. Последняя и демонстрирует тождественность с коллективом: проецируется вовне, чтобы обрести себе подобных. В данном случае страсти столь интенсивны, что разрешаются лишь посредством весьма жесткого поступка – нечеловеческого героического порыва. Герои-воины объясняли, почему им было «не страшно»: «Когда ты чувствуешь, что за тобой великая страна, партия, Сталин, смелость удесятерается...»²¹⁴. Эти слова скрупулезно фиксируют феномен: энергия общества и вождя передается герою.

Таким образом, подвиг героического воинства – не его рутинная обязанность, а состояние праздника, идентичное архаическому ритуальному обряду, символизирующему обновление жизни. Политический смысл подвижничества героев как элементарного механизма общественной жизни – утвердить общество в качестве главной ценности. Архаическое политическое общество здесь само выступает верховным божеством, конечно, в лице Вождя. Итак, компонент героического воинства играет значительную роль в политическом

²¹³ См.: *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.

²¹⁴ *Настольный календарь 1941.* М., 1941. С. 139.

мифе тоталитарной России. В иерархии героев – это армия верховного героя-спасителя. И потому в качестве героя-воина рядовой человек политический мог встать в одну шеренгу за своим богом. Расширение же понятия «фронта» до всех сфер социального делало эту рать, в свою очередь, реально равной «стране героев».

Основа подобного структурирования сознания и жизни, как уже отмечалось, – отождествление себя с вождем-героем. Мифотворцы тех лет прозорливо заметили, что Сталин «окрылил» свой народ: «Орлиным становится / Взор у людей»²¹⁵. В подобном качестве простой герой приобретает черты, аналогичные характеристикам вождя: «Чья смелость – смелых создает, / Чья честность – честных создает, / Чья мудрость – мудрых создает...»²¹⁶. В конце концов и Сталин «советский простой человек», когда советский простой человек – герой: «Отбросивши сказки о чуде, / Отняв у богов небеса, / Простые советские люди / Повсюду творят чудеса»²¹⁷. И как апофеоз звучит, что «завидуют деревне небеса», так как «у каждого – звезда под потолком»²¹⁸. Итак, символический знак Страны-Справедливости – в каждом доме. Разве перед нами не счастливый финал мифа?

Но страна героев, утверждая справедливость, не уравнивает людей. Напротив, ее сказочный мир иерархичен. И стержнем иерархии выступает именно градация героев. Отчетливо выделяются три уровня социально-героических статусов. Сверху располагается герой-божество (вождь вождей). Второй ярус занимают героические полубоги (вожди партийные). Третий массовый слой составляют героические «знатные люди», идущие за вождями и подражающие их подвигам. Теперь коротко обрисуем два последних типажа политического мифа о герое.

Герой как член Политбюро ЦК партии довольно наглядно и типично представлен, например, К.Е. Ворошиловым. Его биография дает на этот счет весьма четкие ориентиры. В отличие от универсаль-

²¹⁵ См.: Назаревич А. Эпос, творимый в наши дни. С. 10–11.

²¹⁶ Назаревич А. Эпос, творимый в наши дни. С. 36.

²¹⁷ Лебедев-Кумач В. Советский простой человек // Песни Советской страны. С. 65.

²¹⁸ Исаковский М. Вдоль деревни // Там же. С. 76.

ного вождя Сталина, Ворошилов – «боевой вождь» (иногда «боевой рабочий вождь») или «вождь Красной армии», т.е. вождь-специалист в одной отрасли – войне. В героике войны он «герой Гражданской войны», а значит живой исток советского мифа. Его социологический портрет имеет две доминанты. С одной стороны, Климент Ефремович есть воплощение «твердого большевистского руководства», а с другой – он чуткий командир-товарищ. Перед нами вполне «античный» по совокупности добродетелей героический персонаж: он и теоретик-«ударник», и меткий стрелок, и выносливый наездник, и «выдержанный» ленинец. Словом, «высокий образец бойца Красной армии», не жалеющий себя в борьбе с врагами. Его социальная позиция (и одновременно роль в мифе) промежуточная – «ближайший сподвижник т. Сталина»²¹⁹. Итак, Ворошилов несомненно лидер в качестве примера для других и герой в силу того, что не щадит себя. Это политический вождь второго героического эшелона.

Социальное предназначение нижнего героического ряда своего рода двойственно: он состоит из «простых» и одновременно «знатных» людей. Это достойнейшие, т.е. самые успешные из «зажиточного» (по терминологии 1937 г.) народа²²⁰. И в этом чудесном благополучии заложено родство героев с не героями. Образ простого советского мифогероя достаточно полно обрисован Л. Мехлисом в его предисловии к сборнику воспоминаний летчиков – участников экспедиции по спасению челюскинцев²²¹. Мехлис сразу предупреждает, что мы попадаем в чарующую действительность-легенду, сказочную «эпоху великого зодчего» Сталина. Здесь живут и творят историю «новые люди». Благодаря им энергетически обновленное общество стремительно бежит-летит вперед. Мехлис задается вопросом: «Кто они – эти безымянные герои, ускоряющие поступательную силу нашего победоносного развития?» И отвечает: «Вы сами участники великой стройки...». Итак, здесь все безымянные

²¹⁹ Харитонов Н.Н. К.Е. Ворошилов. Биография. М., 1931.

²²⁰ См.: *Лозунги ЦК ВКП(б) к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1937.

²²¹ Мехлис Л. Об этой книге // Как мы спасали челюскинцев. М., 1934.

герои. Они выросли не на пустом месте: это «поколение людей, воспитанных Октябрем, героикой Гражданской войны, пафосом первой пятилетки». То есть современные герои заданы героической парадигмой изначальной эпохи. Это «поколение смелых, решительных, твердых, сталинской складки людей, безгранично преданных своей родине!». Красные летчики, взятые здесь для примера, «лучшие люди». Но «тысячи и тысячи сынов нашей родины, если бы потребовалось, выполнили бы свой долг»²²². Безымянные герои – потенциальные герои, тогда как об именитых людях знает вся страна.

Почему же в советском обществе все так хотели быть героями и готовились ими стать? Конечно, большую роль играла романтизация подвига. В заставке поэтического сборника «Фронт» приводились слова Фурманова о бойцах Чапаевской дивизии: «шли победоносно», «неудержимые, непобедимые, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании». И резюмировалось: «Сражались героями, умирали, как красные рыцари...»²²³. Так этическая норма облекалась обществом в эстетическую форму. И соответственно мечталось... Герой-летчик А. Ляпидевский вспоминал о своем детстве: «Прельщали меня в сказках дальние поиски, верность до смерти и чтобы все было страшно и чтобы был счастливый конец»²²⁴. В юношеском возрасте его мечты не утратили легендарного характера: «Хотелось и мне стать великим человеком. Изобрести снагшибательную машину. Открыть что-нибудь вроде Америки. Произвести переворот в технике, в пении, в полетах, в плавании, в игре на гитаре. Быть всюду первым. Нельзя сказать, чтобы скромными были мои мечты»²²⁵. И Ляпидевский не был исключением: каждый из его сверстников хотел стать «удивительным советским человеком». А мотивировку такого поведения откровенно предлагало общество, не оставляя альтернативы. И сам Сталин взывал: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять». Эту моральную декларацию тиражировали все

²²² Мехлис Л. Об этой книге // Как мы спасали челюскинцев. С. 2–3.

²²³ См.: *Фронт*. М.; Л., 1941. С. 3.

²²⁴ Ляпидевский А. Двадцать шесть лет // Как мы спасали челюскинцев. С. 61.

²²⁵ Ляпидевский А. Там же. С. 69.

каналы массового воздействия, на нее же ссылается и Мехлис, к предисловию которого мы и возвращаемся.

Словами друга одного из летчиков Мехлис характеризует простого советского героя: «Мы были маленькими людьми, но с большими идеями. И вот мы выросли и стали вровень с идеями: мечты наши сбываются скорее, чем мы ожидали»²²⁶. Эти «большие идеи» были одновременно и элементом праздничного менталитета, идущего от победы к победе социума, и обыденными в том смысле, что подсказывались повседневным социалистическим бытом. Воспоминания героев Советского Союза свидетельствуют, что школьные уроки, пресса, радионовости, уличные впечатления, т.е. буквально вся социальная коммуникация формировала эталон для подражания. А эталоном было исключительно подвижничество, иначе прожитая жизнь представлялась лишенной смысла и отметалась архаическим по степени доминирования коллективом. Но подвиг – не бессмысленное усилие над собой, всегда важно, во имя кого или чего он совершается. Уже цитированный Ляпидевский писал: «Когда я, как всякий парень, мечтал о том, что буду великим летчиком... я никогда не отделял себя от моей страны. Я мечтал прославить свою страну: быть великим советским летчиком... Родина! Этим все сказано. Отдать жизнь и силы свои родине. Служить ей верой и правдой»²²⁷.

Итак, подвиг, о чем мы уже говорили, рассматривался в то время как патриотический долг. Да разве можно было думать иначе, если такую установку давали, начиная с семьи. Это видно, к примеру, из обращения Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности к Сталину. Матери будущих простых героев рапортовали героическому вождю: «Рассказывая своим детям были большевистской борьбы, звучащие, как сказка, мы воспитываем в них горячую любовь к своему социалистическому отечеству, мы

²²⁶ Мехлис Л. Об этой книге. С. 5.

²²⁷ Ляпидевский А. Двадцать шесть лет. С. 73.

учим их на Вашей замечательной жизни быть верными и достойными детьми своей великой родины»²²⁸.

Таким образом, подвиг, как социальное действие, есть война за родину. И в тоталитарном обществе не важно, где и каким образом разворачивается битва. Летчик-герой той же плеяды В. Молоков в воспоминаниях под характерным названием «Мы выполнили свой долг – вот и все» сделал глубокое по смыслу заявление: «И на чехословацком фронте, и под Нарвой против Юденича, и на Северной Двине против англичан я боролся уже за свою родину. Для нее я летал в Арктику»²²⁹. Ясно, что и арктическая экспедиция, и сбор урожая, и футбольный матч, и разгром партийной оппозиции – все это своего рода сражения за отечество и во имя его. Именно так широко понимался патриотизм, не ограничиваясь лишь прямым воинским долгом. Но это одна сторона дела, другая – представление об образе самой Родины. Мехлис в предисловии ссылается на слова того же Молокова: «Кто бы из нас так рвался в опасность в старое время? Да никогда в жизни! За какую родину отдавать свою жизнь, за что?»²³⁰. Не случайно Молоков употребил словосочетание «своя родина», потому что раньше до революции была родина чужая. От того и патриотизм стал «советским».

Таким образом, политический миф тоталитарной России предлагает собственную интерпретацию. Здесь все, как в сказке про мать и мачеху. До Октября Россия была злой мачехой своему народу и потому простому человеку жилось хуже некуда. А после революции она преобразилась в Родину-мать, и жизнь стремительным образом улучшилась. Снова прислушаемся к записным мифотворцам: «Вырванная пролетариатом из рук капиталистов и помещиков Россия стала матерью, любящей своих сынов и дочерей. Неудивительно, что они отвечают ей взаимностью»²³¹. Значит,

²²⁸ *Жены инженеров. Общественницы тяжелой промышленности. Альбом. М., 1937. Б.с.*

²²⁹ *Молоков В. Мы выполнили свой долг – вот и все // Как мы спасали челюскинцев. С. 228.*

²³⁰ *Мехлис Л. Об этой книге. С. 6.*

²³¹ Там же. С. 9.

долг перед Родиной – это естественная обязанность и органическая потребность ее советского сына или дочери, а не совершение подвига, напротив, неестественно. Так миф как «агент» общества подспудно принуждал его членов к коллективистскому поведению. Но это была не скучная «верхушечная» директива, а «увлекательная сказка о большевистской действительности», в финале которой содержался урок: «Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и можно завидовать героям, имеющим такую родину»²³².

Воссозданная нами мифологическая картина мира трансформировалась в реальность жизни не сразу, а через символическую модель мира. При этом модель-медиатор уже конструировалась как новый символический ряд: «чудо» здесь означало «реальность»; «подвиг» стал элементом быта; «смерть» – лишь переход в другую «славную жизнь»; «темп» – цель земного пути (будущее в настоящем); а неуклонное воспроизведение парадигмы истоков – путь в искомое бессмертие. Символический мир достраивал картину реальности, соединяя ее с мифом. Образовывался символически-реальный мир, т.е. миф выходил в реальность. И поднимал последнюю над обыденностью. Человек в такой политической среде принимает героическую модель поведения изнутри, его собственный выбор – ценности самопожертвования. Индивида вдруг «осеняет» идея добровольной преданности героическому зову свыше. В итоге идеология, творимая «снизу», постулирует приспособляемость и активность. В результате советский человек обнаруживал как раз такой тип социального поведения, который мощно транслировала пропаганда. Таким способом последняя воздействовала на процесс принятия политических структур и программировала политические действия индивида как приемлемые для системы.

В «стране героев» лидер-герой, очевидно, эффективный властитель. Герой же обычный – послушный «подданный», охотно подчиняющийся и покоряющийся. Он стандартен и потому легко управляется с помощью различного рода регламентов. В совокуп-

²³² *Мехлис Л.* Об этой книге. С. 10.

ности отношение «лидер – ведомые» отличают любовь и безоговорочная преданность сторонников вождю. Что еще может быть лучше для властвования? Конечно, время идет вперед и повторение буквального «кодирования» невозможно. Сегодня многие «против Сталина». Но смена мнения не означает утраты стереотипного отношения к власти. Гарантий от рецидивов мифологического сознания нет. Большинство и сегодня не отвергает героико-ментальную структуру мира, совершенно не подозревая об этом. Политический миф как бессознательный механизм продолжает творить реальность. Поэтому лидер в России властвует, а новые политики напоминают героев старой сказки.

Таким образом, мифологический компонент как пропагандистская технология не изжил себя и разрыв между «образом мысли» и «образом жизни» общество заполняет ожиданием героического.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Когда в современной России ставится вопрос об отношении к политическому лидеру, то мы скорее имеем в виду, как конкретно воспринимается некое «значительное политическое лицо». Оно заметно тем, что входит во властную элиту и принимает политические решения. Но вот является ли этот политик лидером в подлинном смысле понятия «лидерство»? И существенную помощь в идентификации может оказать выявление мифологических составляющих образа руководителя. Лидерство как явление универсальное – один из каналов, транслирующих на политическую «поверхность» бессознательные структуры. А содержание «лидерского мифа» позволяет судить, насколько тот, кого мы, не задумываясь, именуем лидером, соответствует номинации.

В мифологии тотальной, как мы убедились, лидер просто обязан стать героем политического мифа. Но в наши дни речь скорее может идти о мифосознании, раздробленном на отдельные элементы. Общее назначение политического мифа вообще видится в конструировании и объяснении схемы мира, а лидер-герой – ее моделирующий компонент. Так было в архаической культуре и в тоталитарной, но что мы имеем сегодня?

В примитивном обществе лидер был вожаком, теперь же мы представляем лидера как руководителя. То есть подчеркиваем функциональную сторону и тут же невольно строим вокруг объекта своего внимания некий «функционалистский миф». Мы здесь воспользовались определением французского социолога Жана Бодрийяра²³³. В книге «Система вещей» он замечает, что вещь принимает на себя значение знака и этот знак способен действовать. Поэтому то, как мы применяем вещи, обнаруживает нашу схему мировосприятия. Фактически данная социальная операция

²³³ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

есть процесс магический, так как реальность нами выводится из одного-единственного знака. Это общее рассуждение как нельзя лучше характеризует нашу способность мифологизировать лидерство. Да, именно восприятие лидера как «технического» руководителя (а не героического вождя) сегодня превращает его в символический знак. Для нас такой лидер не человек, а должностная функция. Вот из этого содержательного знака мы и выводим политическую реальность. Получается, каков лидер, такова и реальность. Принцип действует сам по себе, а вот как «считывать» знак – нам подсказывают эксперты. Например, в президентской кампании 1996 г. Ельцин подавался как символ либеральных реформ, а Зюганов – тиранического прошлого. В данном случае нас не интересует проблема каких бы то ни было оснований для выбора, а лишь сам факт отождествления знака и реальности. В создаваемой нами политико-магической среде и просматривается лидерство без наличия видимого «лидерского акта».

Можно утверждать, с одной стороны, что способность политика стать символом (в различных смыслах) и обозначает в частности его как лидера. А с другой – характеризует нашу мифологическую склонность ставить лидера в центр мироздания, не подозревая об этом. Вернемся к примеру с «реальностью» в выборе президента: может создаться впечатление, что наш миф предпочитает будущее. Это верно в том смысле, что будущее в мифе означает возможность социального возрождения. Но в общественном сознании бытует и мифический вариант «обратного возрождения». Тот же Бодрийяр пишет о магии старинной вещи как подлинной, поскольку она заколдовывает время и переживается как знак. Перед нами своего рода миф о первоначале, его суть гласит: «я тот, кто рожден раньше» (в свое время символом «подлинного прошлого» был Ельцин, персонифицируя новую Россию). Сегодня Путин символизирует постсовременную Россию, отсылающую к подлинным российским ценностям, скрепляющим все времена и находящимся в мифическом круговороте «вечного возвращения».

Итак, лидер как знак «отпирает» волшебство в политике. Еще более наглядно это показывает «продажа» кандидатов на выбор-

ные должности. Здесь вместо реальности – символическая игра. Что же на самом деле происходит? Кандидат «покупается в кредит», т.е. с помощью знакового жеста. Тем самым он осуществляет своего рода опережающее пользование, дав чисто символические обещания немедленного исполнения наших желаний. Процесс воистину магический, т.е. волшебная покупка. Неудивительно, что политики постепенно входят во вкус жизни в кредит. Нами же приобретается не кандидат, а некий знак. Точнее, знак нами принимается за лидера. Это можно с полным основанием назвать современным мифом о лидере: лидер появляется с нашей помощью без всяких специальных доказательств своего лидерства.

Что же обозначает последний символ? Если проанализировать литературу по рекламе, то можно обнаружить, что человек покупается не на разрекламированную вещь, а на чудесное свойство вещи (к примеру «лидерство»). Значит, покупается некое чудо, его и символизирует лидер-знак. Я не хочу сказать, что мы буквально верим в обещания кандидата. Кто же верит сказкам, тем более, когда сам их и создает? Речь идет о другом феномене: миф и рекламе роднит элемент магии. В современной политике, где нет места герою коллектива, нам приходится делать индивидуальный политический выбор. И мы вынуждены пойти в некий «героический путь» преодоления собственной инфантильности, и на данной стезе по закону жанра нам нужен волшебный помощник, т.е. чудо. Вот это качество и означает лидер. Он похож функционально: снабжает нас амулетами от зла и волшебными словами. Он убеждает нас, что на его стороне охраняющая сила судьбы и что сама мать-природа с ним заодно. Итак, мы раздобываем в одном лице советчика, наставника и «перевозчика», т.е. сверхъестественную помощь. Но при этом не вполне доверяем ведущему, в котором есть что-то и от Меркурия и от Мефистофеля. Он оберегающий, но и опасный тем, что «является соблазнителем невинной души, заманивающим ее в царство испытаний»²³⁴. Но идти надо и мы хотим того или нет, но обманываемся, покупаемся и в конце концов покупаем...

²³⁴ См.: *Кэмпбелл Д. Герой с тысячько лицами*. Киев, 1997.

В целом наш символический жест голосования – не просто принятие конкретных ценностей, а волшебный знак интеграции. Примыкание к определенному рекламному знаку-лидеру есть, в этом смысле, вариант приобщения к социальному консенсусу. Специалисты по рекламе отмечают, что на смену насильственным морально-идеологическим вождям прошлого идут мягкие технические рекламные лидеры и «потребитель интериоризирует социальную инстанцию и ее нормы в самом жесте потребления»²³⁵. Поэтому тот, кто выступит данным знаком одаривания в царстве свободных желаний (этой легендарной реальности, предназначенной исключительно для прочтения), может с полным основанием считаться символом коллектива, а значит и его ведущим. Социальная фрустрация, символизируемая лидером, и сегодня двигатель политической общности. Таким образом, лидера лидером во многом делает миф, поскольку политический потребитель заведомо и сознательно пассивен.

В данной связи лидерский успех часто приходит с удачным формированием имиджа героя, внешней приметой чего служит внезапный взлет показателя популярности. Лебедь-символ наиболее характерен. Однако анализ материалов его предвыборной кампании позволяет сделать вывод, что Лебедь как кандидат в президенты не просто создал имидж, включающий ряд мифоподобных компонентов. На наш взгляд, ему удалось большее: он воспроизвел несколько жизненных мифологических ролей, которые в совокупности сделали его в сознании избирателей мифогероем. Разница в этих подходах принципиальная. Рекламный имидж героя – лишь частица ситуативного общественного мнения, а восприятие кандидата как героя – уже базовый импульс для лидерства.

По логике мифовосприятия недостаточно продекларировать себя героем. Успех лидеру может принести лишь воспроизведение героического мифокомплекса как такового. Наш политический герой Лебедь воспроизвел его практически целиком. И даже

²³⁵ Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 146.

его выход на сцену соответствует началу сказания. Известный Тезей, победитель Минотавра, пришел на Крит извне, как нечто новое и живое. «Александр Лебедь – чужак по отношению к политическому полю», – читаем мы у Г. Почепцова²³⁶. Этот «чужак» прежде всего «воин» («солдат России» и «некоррупцированный генерал»). Затем он «мужик», не только воин, оваянный Славой, но и активное начало в политике России. В той же работе выделяется соответствующая роль нашего героя: «Россия сегодня – невеста на выданье. Ей нужен настоящий муж». И, наконец, в перечне символов Лебедь предстает в образе спасителя, «умеющего спасать». Упомянутый специалист, в полном соответствии с научными задачами, отмечает лишь «сработавшие» символы. Нам же представляется важным подчеркнуть, что электорат, прежде всего, среагировал положительно именно на совокупного героя, отражающего социальный эталон. Убедительным, в данной связи, было не столько даже проигрывание всех ролей, сколько воссоздание архетипического образа. Последнее, думается, стало решающим моментом в принятии лидера-Лебеда. Лебедь совершил данный лидерский акт, опираясь на мифологический механизм восприятия, состоящий в узнавании универсального героя мономифа. Сегодня во многом символическое место героя-воина занято Шойгу, который прошел путь от «спасателя» к «воину», репрезентировав данный мифомотив на высшем политическом уровне.

Помимо всеобщности в политике России бытует и специфика, т.е. традиционный героический образец. Согласно А. Синявскому, русская сказка «избирает в герои не лучших, а худших»²³⁷. И любимый персонаж ее не несет в себе ничего внушительного, напротив, сказочный герой – дурачок и весьма слаб. Иван-дурак добывается полцарства, уповая лишь на магическую помощь, и чем слабее русский герой, тем сильнее его волшебный помощник. Суть стереотипной метаморфозы в том, что самый захудалый поднима-

²³⁶ Почепцов Г. Символы в политической рекламе. Киев, 1997. С. 307.

²³⁷ Синявский А. Иван-дурак. Очерк русской народной веры. Париж, 1991. С. 25.

ется на самый верх социальной лестницы, опережая более ловких соперников.

Смысл национального эталона успеха противоположен, как мы видим, пути героя-воина. Поэтому Лебедь-лидер отнюдь не «дурак». Из портрета Лебеда²³⁸ мы выделили следующие характерные черты: «отстаивает свои права на самостоятельность», «предпочитает быть независимым», «склонен идти собственной дорогой, принимать собственные решения», «не нуждается в поддержке других», «игнорирует авторитеты», «смелый и решительный». Рядом с самостоятельным Лебедем нет места волшебному помощнику, а ведь даже герой-Сталин уповал на его помощь. Итак, Лебедь должен был восприниматься как сильный, но слишком независимый лидер для нашего менталитета. Что касается Шойгу, то он занимает второстепенное место в лидерской иерархии и лишь сопутствует президенту.

Зато Жириновский вполне укладывается в отечественный стандарт, если вспомнить его жалобы на бедность семьи, издевательства властей, учесть, что до сорока лет он был фактически неудачником. Словом, Иванушка Бездольный да и только. Образ «запечного», безусловно, делает героя положительно узнаваемым. Но Жириновский не так прост, не случайно все пишущие о нем отмечают амбивалентность образа. Новый Иван-дурак и на вершине должен остаться «хорошим». Не тут-то было: Жириновский правомерно определяется в литературе как носитель «иррационально-деструктивного характера»²³⁹. Этому в мифологии соответствует другой младший брат – трикстер. В ипостаси трикстера наш герой раскрывается последовательно, одни скандалы чего стоят. Но Жириновский не только герой «отрицательный»: он разный. Определяя его символику, Г. Почепцов отмечает: с одной стороны, он великан, победитель и мессия, а с другой – человек из народа. Противоречия здесь нет, напротив, Жириновский мифологически ор-

²³⁸ Александр Лебедь: генерал на политических маневрах // Власть. 1995. № 11.

²³⁹ Владимир Жириновский: лидер и партия – близнецы-братья // Власть. 1995. № 9. С. 18.

ганичен. Миф знает, что природа человека двойственна, отражением этой мудрости и становятся братья-близнецы. Наш герой, как мы считаем, символически выражает значение обоих: как положительный образ он Иван-царевич, а в остальном – трикстер, хулиган и провокатор.

Таким образом, в восприятии политиков современной России существенную роль играют мифоэлементы в целом, значимые в плане их лидерской идентификации. И в этих разрозненных фрагментах мира мифического все еще отчетливо видны следы «архетипа героя».

Научное издание

ЩЕРБИНИНА Нина Гаррьевна

**ГЕРОИЧЕСКИЕ
МИФОКОНСТРУКТЫ
ТОТАЛИТАРНОЙ РОССИИ**

Редактор Ю.П. Готфрид
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 22.02.2017 г. Формат 60×84¹/₈.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 7,2.

Тираж 250 экз. Заказ № 2342.

Дата выхода в свет 1.04.2017 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)-53-15-28
Сайт: <http://publish.tsu.ru>; E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-602-9

9 785946 216029